

Дао, которое должно быть действительным, не есть обыкновенное Дао. Имя, которое должно быть действительным, не есть обыкновенное имя. То, что не имеет имени, – есть начало неба и земли; то, что имеет имя, – есть мать [2] всех вещей. Вот почему свободный от всех страстей видит величественное проявление Дао, а находящийся под влиянием какой-нибудь страсти видит только незначительное его проявление. Эти оба происходят из одного и того же начала, но только носят разное название. Они называются непостижимыми. Непостижимое из непостижимых и есть ворота всего таинственного.

Под небом все (люди) знают, что красивое есть красивое, но оно только безобразное. Точно так же все знают, что добро есть добро, но оно только зло. Из бытия и небытия произошло все; из невозможного и возможного – исполнение; из длинного и короткого – форма. Высокое подчиняет себе низшее; высшие голоса вместе с низшими производят гармонию; предшествующее подчиняет себе последующее. Святой муж, будучи бездеятельным, распространяет свое учение. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется от исполнения его воли. Он производит много, но ничего не имеет; делает много, но не хвалится сделанным; совершает подвиги, но их не приписывает себе. Он нигде не останавливается, поэтому ему не будет надобности удаляться туда, куда он не желает.

Чтобы не было ссор в народе, нужно не уважать мудрецов. Чтобы люди не сделались ворами, нужно не придавать никакого значения трудно добываемым (ценным) предметам, потому что, когда люди не будут иметь тех предметов, которые бы прельстили их сердца, они никогда не соблазнятся ими. Отсюда когда святой муж управляет страной, то сердце его пусто, а тело его полно; (он) ослабляет желания и укрепляет (свои) кости. Он старается, чтобы народ был в невежестве и без страстей. Также он старается, чтобы мудрые не смели сделать чего-нибудь. Когда все сделаются бездеятельными, то (на земле) будет полное спокойствие.

Дао пусто, но когда его употребляют, то кажется, оно неистоцимо. О, какая глубина! Оно начало всех вещей. Оно притупляет свое острие, развязывает узлы, смягчает блеск и, наконец, соединяет между собою мельчайшие частицы. О, как чисто! Оно существует предвечно, но я не знаю, чей оно сын и предшествовало ли первому царю^[3].

Небо и земля не суть любвеобильные существа. Они поступают со всеми вещами, как с соломенной собакой^[4]. Святой муж не любвеобилен: он поступает с земледельцами, как с соломенной собакой. Все находящееся между небом и землей похоже на кузнечный мех. Он (кузнечный мех) пуст, но неистошим: чем чаще надувается, тем больше выпускает воздух. Кто много говорит, тот часто терпит неудачу; поэтому лучше всего соблюдать середину.

Чистейший дух бессмертен. Он называется непостижимой матерью (самкой). Ворота непостижимой матери называются корнем неба и земли. Он (то есть чистейший дух) будет существовать без конца. Кто хочет употреблять его, тот не устанет.

Небо и земля вечны. Причина того, что небо и земля вечны, заключается в том, что они существуют не для самих себя. Вот почему они вечны. Святой муж заботится о себе после других, поэтому он легко достигает безопасности. Он оставляет свое тело без всякой заботы, поэтому он будет жить долго. Кто не заботится о себе, тот весьма удачно совершит и свое личное дело.

Высшая добродетель похожа на воду. Вода, давая всем существам обильную пользу, не сопротивляется ничему. Она находится на том месте, которого люди не видят, поэтому она похожа на Дао. Жить хорошо – для земли; сердце – для глубины; союз – для любви; слова – для доверия; управление – для благоденствия (страны); дела – для умения; движение – для жизни. Не ссорящийся не осуждается.

Чтобы посуда была наполнена чем-нибудь, нужно держать ее твердо (без малейшего движения) и ровно. Чтобы лезвие наострилось, нужно долго продолжать натачивание. Когда дом наполнен золотом и драгоценными камнями, то невозможно сохранить его в целости. Кто достигнет чести и приобретет богатство, тот делается гордым. Он легко забудет, что существует наказание (за преступление). Когда дела увенчаются блестящим успехом и будет приобретено доброе имя, то лучше всего удалиться (в уединение). Вот это-то и есть небесное Дао (или естественное Дао).

Душа имеет единство, поэтому она не делится (на части). Кто вполне духовен, тот бывает смирен, как младенец. Кто свободен от всякого рода знаний, тот никогда не будет болеть. Кто любит народ и управляет им, тот должен быть бездеятельным. Кто хочет открыть небесные ворота, тот должен быть как самка^[5]. Кто делает вид, что много знает и ко всему способен, тот ничего не знает и ни к чему не способен. Кто производит (вещь) и постоянно держит ее, тот ничего не имеет. Не хвалиться тем, что сделано, не начальствовать над другими, превосходя их, называется небесной добродетелью.

Тридцать спиц соединяются в одной ступице (колесницы), но если они недостаточны для предназначенной цели, то их можно употребить для другой (воза). Из глины делают домашний сосуд; но если она недостаточна для известной цели, то годится для другой. Связывая рамы и двери, устраивают дом; но если они недостаточны для этого, то из них можно сделать домашнюю утварь. Отсюда видно, что если вещь не годна для одной цели, то можно употребить ее для другой.

Пять цветов ослепляют человека. Пять звуков оглушают его. Пять вкусов пресыщают его. Верховая гонка и охота одуряют душу (сердце) человека. Стремление к обладанию редкими драгоценностями влечет человека к преступлению. Отсюда святой муж живет исключительно нравственным^[6], а не внешним. Поэтому он удаляется от того и приближается к этому.

Почет и позор от сильных мира (для мудреца) одинаково странны. Собственное тело тяготит его, как великое бремя. Что значит: почет и позор от сильных мира одинаково странны (для мудреца)? Почет от сильных мира – унижение (для мудреца), поэтому когда она достанется (ему), то (он) относится к ней как к совершенно призрачной^[7]; когда она потеряется, то также к ней относится как к презренной. Вот это-то и есть: к почести и позору от сильных мира относиться как к призрачному. Что значит: собственное тело тяготит его (мудреца), как великое бремя? Я имею потому великую печаль, что имею тело. Когда я буду лишен тела, то не буду иметь никакой печали. Поэтому когда мудрец боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда он сожалеет, что управляет вселенной, то ему можно отдать ее.

Предмет, на который мы смотрим, но не видим, называется бесцветным. Звук, который мы слушаем, но не слышим – беззвучным. Предмет, который мы хватаем, но не можем захватить – мельчайшим. Эти три предмета неисследуемы, поэтому когда они смешаются между собой, то соединяются в одно. Верх не ясен, низ темен. О, бесконечное! Его нельзя назвать именем. Оно существует, но возвращается к небытию. Оно называется формой (или видом) бесформенною. Оно также называется неопределенным. Встречаясь с ним, не видать лица его, следуя же за ним, не видать спины его. Посредством древнего Дао можно управлять жизнью настоящего времени. Исследовать происхождение всего (или начало древности) называется нитью Дао.

Древние, выдававшиеся над толпой люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое. Они глубоки – постигнуть их невозможно. Они непостижимы, поэтому внешность их была величественная. О, как они медленны, подобно переходящим зимой через реку! О, как они нерешительны, подобно боящимся своих соседей! О, как они осанисты, подобно гостящим в чужом доме! О, как они осторожны, подобно ходящим на тающем льду! О, как они просты, подобно необделанному дереву! О, как они пусты, подобно пустой долине! О, как они мрачны, подобно мутной воде! Кто сумеет остановить их и сделать ясными? Кто же сумеет успокоить их и продлить их тихую жизнь? Исполняющий Дао не желает быть удовлетворенным^[8]. Он не удовлетворяется ничем, поэтому, довольствуясь старым и не обновляясь (душою), достигает совершенства.

Когда пустота будет доведена до последнего предела, то будет величайший покой. Всякая вещь растет, в чем я вижу возвращение (или круговорот). Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но все они возвращаются к своему началу. Возвращение вещей к своему началу и есть покой. Покой и есть возвращение к жизни. Возвращение к жизни и есть постоянство. Знающий постоянство (или вечность) – мудрец. Не знающий постоянства будет действовать по своему произволу, поэтому он призывает к себе беду. Знающий постоянство имеет всеобъемлющую душу. Имеющий всеобъемлющую душу будет правосуден. Правосудный будет царем. Кто царь, тот соединяется с Небом. Кто соединен с Небом, тот будет подобен Дао, которое существует от вечности. Тело его погибнет (умрет, когда настанет время), но (дух его) никогда не уничтожится.

Существует ли высочайшее бытие, я не знаю; но можно (духом) приблизиться к нему и воздавать ему хвалу, потом – бояться его, а затем – пренебрегать им. От недостатка веры происходит неверие. О, как медленны слова, сказываемые с весом и со смыслом! Когда совершены заслуги и сделаны подвиги, то все земледельцы скажут, что это достигнуто естественным ходом вещей.

Когда великое Дао^[9] будет покинуто, то появятся истинная человечность и справедливость. Когда широко будет распространена мудрость, то появится великая печаль. Когда шесть ближайших родственников^[10] находятся в раздоре, то является почитание родителей и любовь к детям. Когда в государстве царит усобица, то являются верные слуги.

Когда оставлены святость и мудрость^[11], то польза народа увеличится во сто раз. Когда оставлены человеколюбие и справедливость, то дети будут почитать своих родителей, а родители будут любить своих детей. Когда покинута всякого рода лукавство и выгоды, то воров не будет. Одной только внешностью достигнуть этих трех (пунктов) невозможно. Для этого необходимо быть более простым и менее способным и бесстрастным.

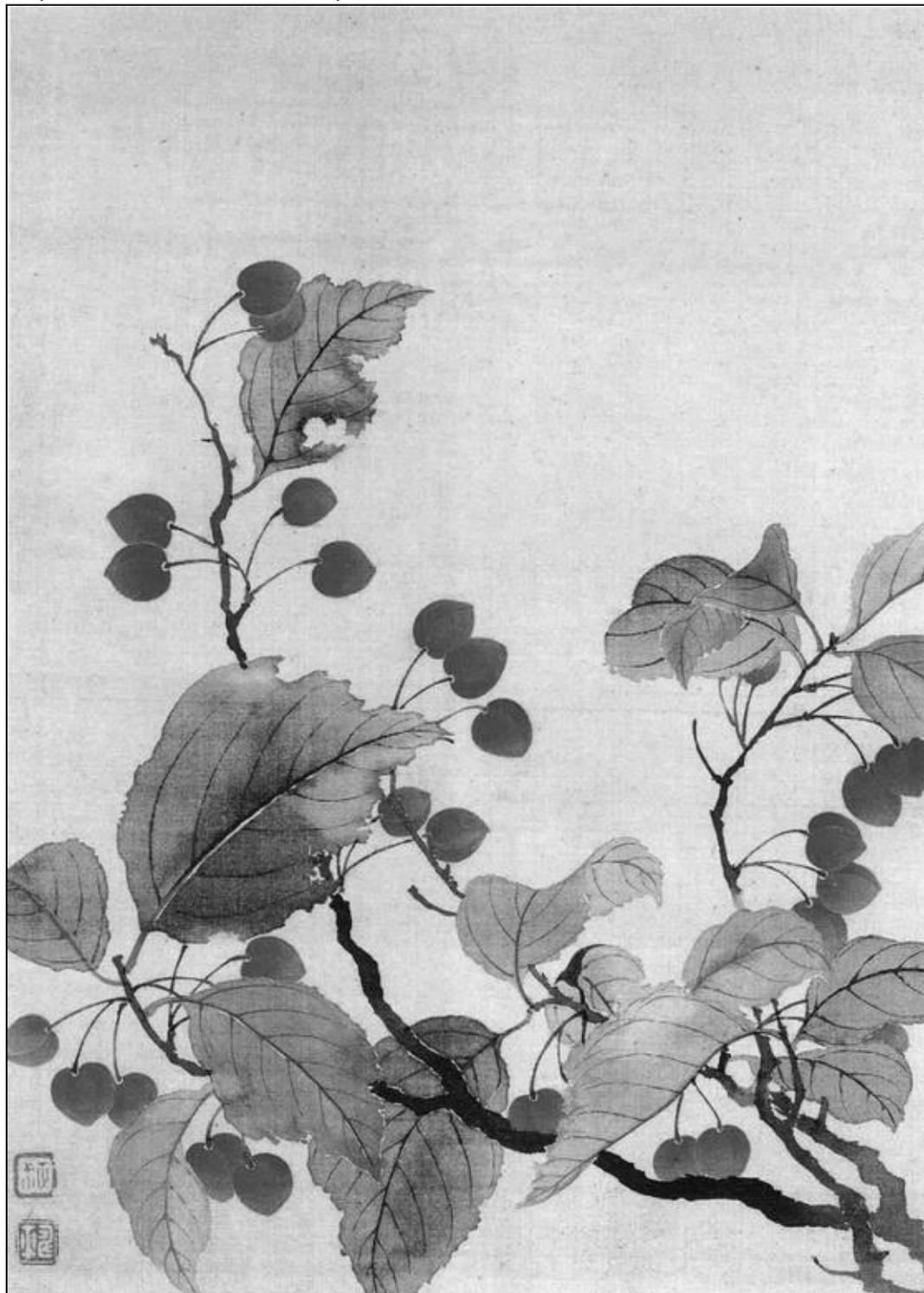

Когда уничтожено будет учение, то печали не будет. Как велика разница между простым и сложным! Как велика разница между добром и злом! Необходимо бояться того, чего люди боятся. О, дико! Еще далеко до середины. Многие держат себя важно, словно получают жертвенное мясо, словно весной восходят на башню. О, как я прост! Во мне нет ничего определенного, как в младенце, еще не достигшем детства. Я как будто несусь, но не знаю куда и где остановлюсь. Многие люди богаты, но я ничего не имею, как будто все потерял. Я прост, как душа глупого человека, но люди света блестят. Я очень темен, но люди света просвещенны. Я один страдаю душевно; волнуюсь, как море; блуждаю и не знаю, где остановиться. Многие люди делают то, к чему способны, но я один глуп и мужиковат. Я один отличаюсь от других тем, что люблю питаться у матери [\[12\]](#).

Высоконравственный повинуется только одному Дао. Сущность Дао похожа на блеск света. О, неуловим блеск света! Но в нем есть изображение. О, как он блестит! Он решительно неуловим, но в нем есть вещество. О, как призрачно и непостижимо (Дао)! В нем есть сущность, которая достоверна. От древности до ныне имя (его) никогда не исчезало. Я обзрел многие начала, но не знаю, отчего такие начала, а не иные.

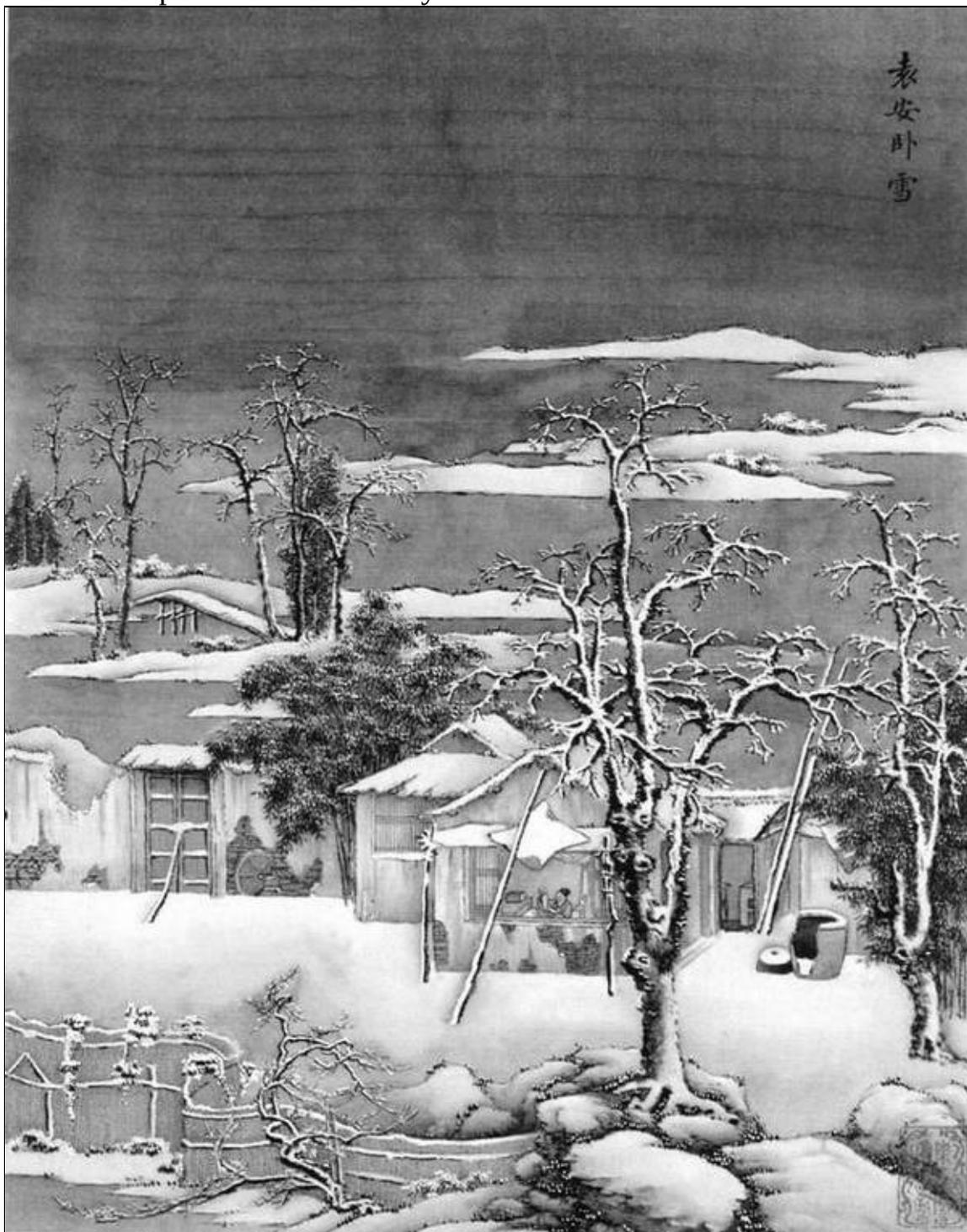

Редкие слова заключают в себе самые достоверные мысли. Редкие изречения сами собою правдивы. Утренний сильный ветер не продолжается до полудня; сильный дождь не продолжается целый день. Ни небо, ни земля вечно существовать не могут. Тем более человек. Живущий и поступающий по Дао равен ему; нравственный человек равен добродетели; потерявший все равен потере. Дао любит находить равное себе; нравственный – равное себе; потерявший – также равное себе. Где вера слаба, там не будет веры.

Сухоногий не может встать. Сидящий не может ходить. Кто думает, что постиг все, тот ничего не знает. Кто доволен самим собою, тот не может прославиться. Кто хвастается, тот не может иметь заслуги. Кто горд, тот не может возвыситься. Такие люди с точки зрения Дао называются питающимися излишеством и творящими напрасное. Поэтому, когда они находят Дао, то оставаться в нем решительно не могут.

Вещество произошло из хаоса. Есть бытие, которое существует раньше, нежели небо и земля. Оно недвижимо, бестелесно, самобытно и не знает переворота. Оно идет, совершая бесконечный круг, и не знает предела. Оно одно только может быть матерью (самкой) неба и земли. Я не знаю его имени, но (люди) называют его Дао. Могущество его называется величием; величие его – безграничным; безграничное – бесконечным; бесконечное – возвращением. Дао велико, небо велико, земля велика и, наконец, царь велик. Итак, в мире существуют четыре величия, одно из которых составляет царь. Земля несет людей; небо несет землю; Дао несет небо и, наконец, естественность несет Дао.

Тяжелое лежит в основании легкого. Тишина господствует над движением. Хотя мудрец бывает занят целый день, но относится к своим делам внимательно и с большой осторожностью. Хотя ему будет слава и внешнее великолепие, но он никогда не прельстится ими, ибо он стоит выше их. Что случится с тем царем, который, имея десять тысяч колесниц, презирает заботу о своей стране и думает только о своем удовольствии? Презирующий заботу о своей стране потеряет лучших слуг – опору государства. Где легкомысленное движение в народе, там царь легко упразднится.

Нравственный человек не оставляет после себя никаких следов. Красноречивый не сделает ошибки в своих речах. Победоносный полководец не употребляет никакой хитрости. Если что крепко заперто, то (оно), хотя и без замков, не отпирается. Если что крепко связано, то (оно), хотя и без замысловатых узлов, не развязывается. Мудрецы спасают погибающих и не оставляют нуждающихся в чем-нибудь без помощи. Они всегда очень бережно сохраняют вещи и не выкидывают их. Это называется двойным просвещением. Отсюда нравственный человек есть учитель (или руководитель) безнравственных; безнравственные люди суть орудие нравственного. Кто не уважает своего учителя и кто не любит своего орудия, тот, хотя умен, очень заблуждается. Это называется важным отступлением от Дао.

Тот, кто знает свою силу и сохраняет свою слабость, делается долиной вселенной. Когда он будет долиной вселенной, то в нем будет пребывать вечная добродетель. Человек вторично возвращается в состояние младенца (Дао). Кто знает глубину своего просвещения и остается в невежестве^[13], тот делается примером всего мира. Кто будет примером всего мира, тот не изменит вечной добродетели и возвратится к совершенству (Дао): он познает славу Его. Находясь в презрении, он делается долиной вселенной. Кто долина вселенной, тот будет доволен только добродетелью и возвратится в совершенную простоту. Когда эта простота будет удалена, то из него выйдет превосходный сосуд. Если святой муж употребит его, то делается начальником. Вот почему великое установление никогда не уничтожится.

Кто действует, сильно желая завладеть вселенной, тот никогда не достигнет желаемого, потому что вселенная есть божественное орудие, поэтому распоряжаться ее судьбою никто не вправе. Отсюда, кто покушается на это, тот нарушает порядок мира; кто хочет завладеть им, тот немедленно потеряет его. Вообще вещи идут вперед или назад; воют или дуют^[14]; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одном месте. Поэтому мудрец избегает всякой крайности, роскоши и великолепия.

Кто помогает царю по Дао, тот не будет заботиться о процветании страны посредством военной силы: что бы вы ни сделали людям, они тем же воздадут вам. Где войско стоит, там будет расти колючая трава (вместо хлеба). После великой войны бывает неурожайный год. Отсюда когда нравственный человек управляет (страной), то никогда не прибегает к грубой силе, не ищет тщеславия, не воюет, не гордится ничем, не останавливается нигде и не усиливается. Когда вещь дойдет до полноты своего развития^[15], то она ослабевает и дряхлеет. То, что не Дао, быстро уничтожается.

Благоустроенное войско есть нечестивое орудие, есть предмет по своему существу злой. Мудрец предпочитает левую сторону правой, ибо употребляющие войско предпочитают правую сторону левой. Войско есть нечестивое орудие, поэтому оно не может быть орудием для (истинно) мудрых. Отсюда оно и употребляется только в неизбежных случаях. Хотя война ставит, быть может, целью спокойствие, но она несомненное зло. Если б она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящий убивать людей. Любящий убивать людей не может осуществить свой добрый замысел в мире. При добром деле левая сторона предпочитается правой, а при беде – правая сторона. Подчиненные генералы останавливаются на левой стороне, а начальствующие – на правой. Когда делается известной победа, то следует встретить эту весть с траурным обрядом, ибо на войне очень многие погибают. Так как на войне очень многие погибают, то следует оплакивать войну. Когда война окончится победою, следует объявить всеобщий траур.

Вечное Дао не имеет имени. Оно незначительно, как щепка, но мир не может подчинить его себе. Когда цари и князья заботятся о защите (своей страны), то сама природа^[16] делается помощницей их. Когда небо совокупляется с землей, то спускается роса на землю, чего человек не в состоянии устроить^[17]. Когда Дао разделилось на части, то получило имя. Если имя известно, то нужно воздерживаться. (Каждому) следует знать, где ему нужно оставаться. Кто соблюдает во всем воздержание, тот не будет знать (нравственного) падения. Это – Дао, которое существует во всей вселенной.

Знающий людей разумен, а знающий себя самого прозорлив. Побеждающий других силен, а побеждающий самого себя могуществен. Довольствующийся самим собой – богач. Твердый в своих действиях имеет твердую волю. Не отступающий от своего назначения долговечен. Неуничтожимый после смерти вечен.

О, беспредельно великое Дао! Оно справа и слева. Вся тварь появилась на свет благодаря ему; оно не отталкивает ее от себя. Заслуги Дао велики, но оно ими не хвалится. Оно промышляет о всех вещах с любовью, но не желает быть господином их. Так как оно не имеет никакой страсти, то оно называется ничтожным. Его можно назвать маленьким, ибо мельчайшая вещь возвращается в него. Все существа подчиняются ему, но оно не считает себя господином их; поэтому его можно назвать великим. Мудреца нельзя назвать великим, хотя он совершает великие дела. Причина того, что святой легко достигает величия, заключается в том, что он не величает самого себя.

(Святой) берет великого слона и идет по всему миру. Ходит, но не делает никакого вреда. От удовольствия, спокойствия, тишины и величия дает ему (миру) пищу. Проходящий пришелец остановился. Когда он говорит о Дао, то как просты его слова! (Когда) они произнесены (то бывают) без всякого вкуса. (Люди) смотрят на него (Дао), но не видят; они слушают его, но не слышат; они употребляют его, но оно не истощается.

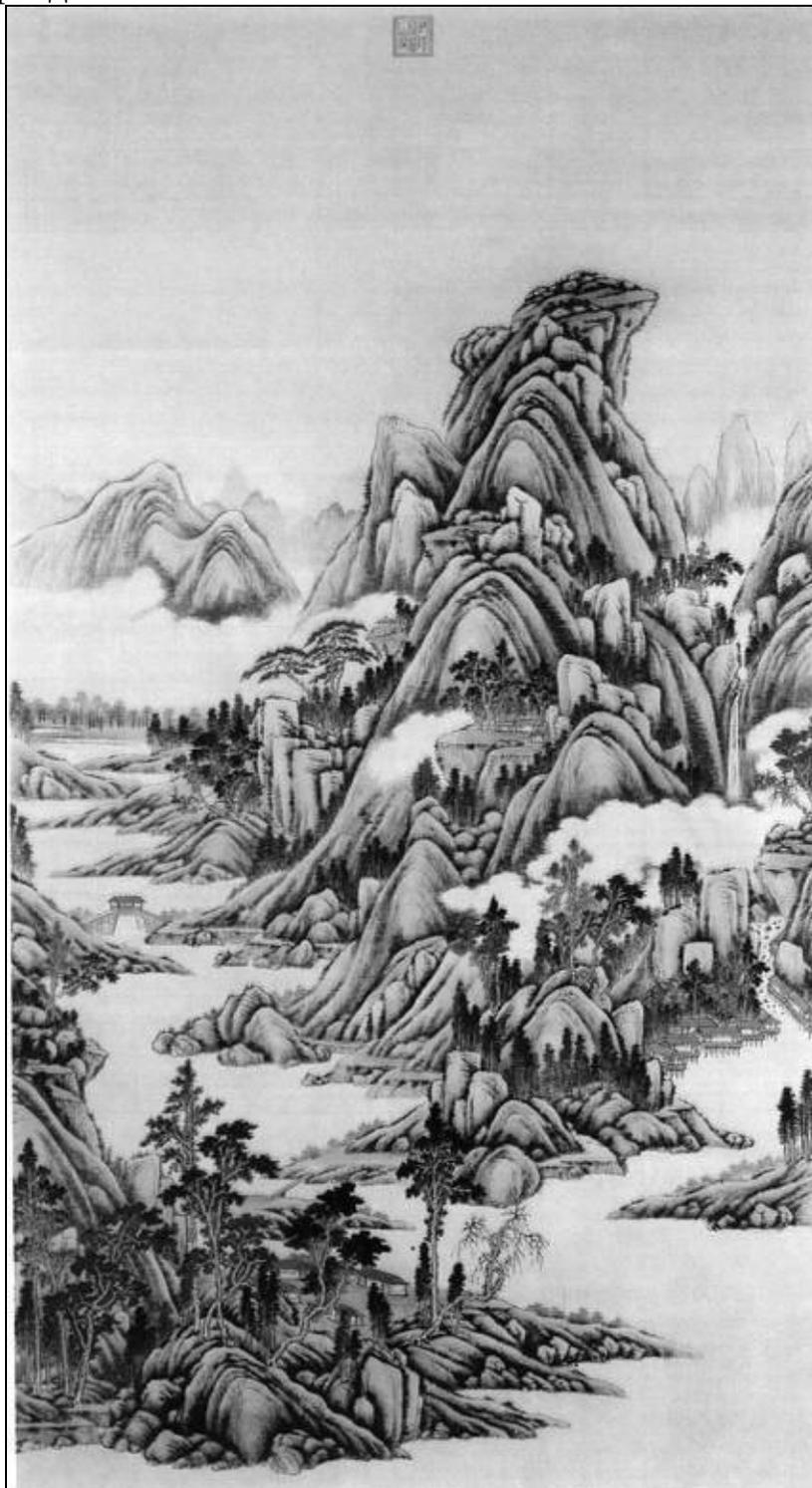

То, что сжимается, – расширяется. То, что ослабевает, – усиливается. То, что уничтожается, – восстанавливается. То, что лишается всего, – имело все. Все это называется то скрытым, то ясным. Мягкое побеждает твердое, слабое – сильное. Как рыба не может покинуть глубины, так страна не может оставаться без орудия. Сильное орудие правления не должно быть показываемо народу.

Дао ничего не делает, но нет того, чего бы оно не сделало. Если царь и князя хорошо будут управлять страной, то все существа преобразуются так, как они желают. Если все существа придут в сильное движение, то я удержу их посредством безымянной простоты. Безымянная простота не имеет страсти. Когда (в мире) не будет страстей, то будет спокойствие повсеместное и на всей земле будет правда.

Люди высшей нравственности не считают себя нравственными; поэтому они имеют высшую нравственность. Люди низшей нравственности не в состоянии потерять свою нравственность, и поэтому безнравственны. Люди высшей нравственности, находясь в бездеятельности, не делают ничего. Люди низшей нравственности делают то, что делают. Люди высшего человеколюбия, находясь в бездеятельности, совершают дела, но не признают их (за свои). Люди высшей справедливости делают то, что делают. Люди высшей почтительности уважают других, но другие не уважают их, поэтому они принудят их к почтению. Отсюда когда потеряно Дао, то является нравственность; когда нравственность забыта, то является человеколюбие; когда человеколюбие оставлено, то является справедливость; когда справедливость покинута, то является почтительность. Вот почему почтительность есть следствие ослабления верности и преданности (господину) и начало всякого рода беспорядков в стране. Поэтому великий человек держится существенного и оставляет ничтожное. Он все делает по правде, но никогда не будет опираться на законы. Берите первое и бросьте последнее.

瑶臺仙花
乾隆丙戌寫
杏翁在華 二和 一社

В древности всякое существо достигало единства. Небо, достигши единства, стало чистым. Земля, достигши единства, стала спокойной. Дух, достигши единства, стал разумным. Долина, достигши единства, стала полной. Всякая вещь, достигши единства, стала существовать. Цари и князья, достигши единства, стали образцами для мира. Все это было достигнуто благодаря единству. Достижение единства во всем этом одно и то же. Если бы небо было не чисто, то казалось бы, что оно боится взрыва. Если бы земля потеряла спокойствие, то она была бы в опасности разрушения. Если бы дух лишился разумности, то он потерял бы (свойство) быть духом. Если бы пустота долины наполнилась чем-нибудь, то она перестала бы быть долиной. Всякая вещь, если бы перестала расти, уничтожилась бы. Если бы цари и князья потеряли верность и преданность (своих подданных), то были бы свергнуты. Отсюда благородные люди смотрят на неблагородных как на свое начало; высшие смотрят на низших как на свое основание. Цари и князья заботятся о бедных сиротах и вдовах. Этим же они могли бы свидетельствовать о своем происхождении. Ужели это неправда? Если разобрать телегу по частям, то не останется телеги. Я не желаю быть гордым, как драгоценный камень. Также я не желаю быть презираемым, как дикий камень.

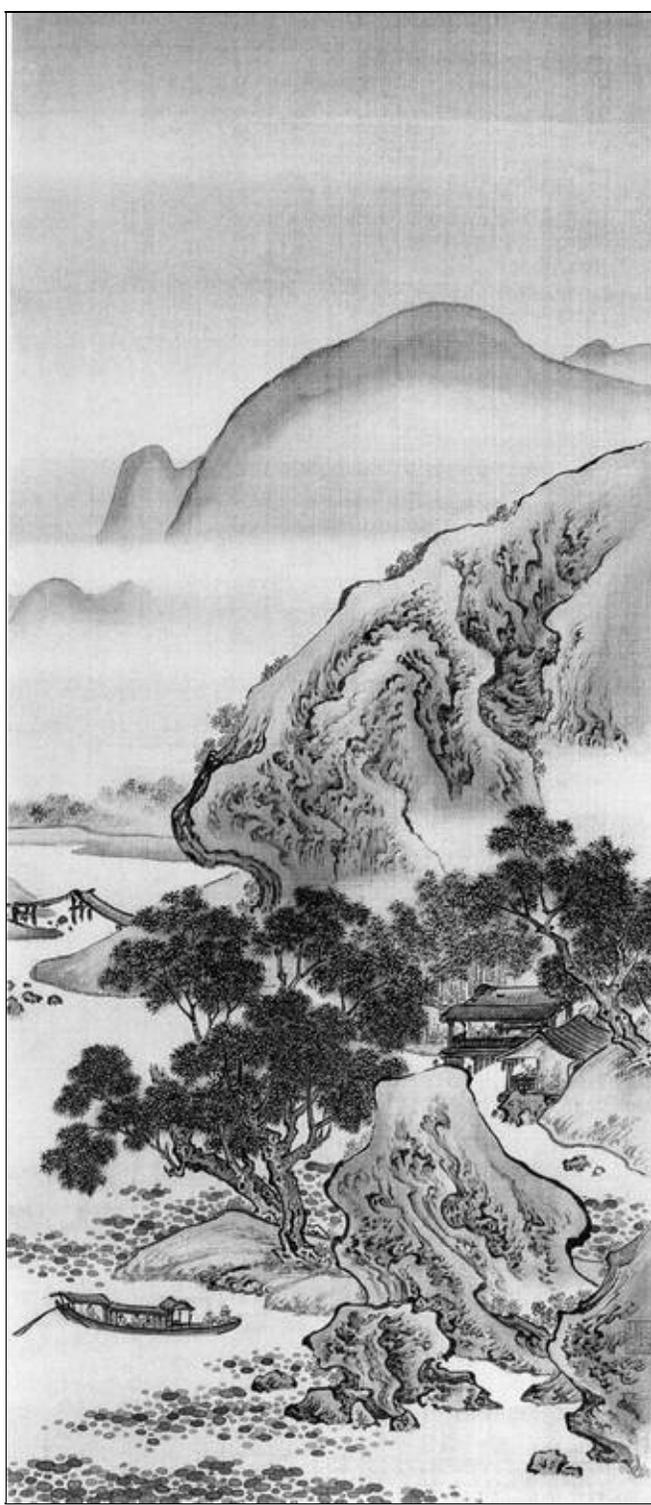

Движение Дао происходит от сопротивления (всему вещественному). Слабость есть отличительная черта действия Дао. Все вещи произошли от бытия (что), и бытие от небытия (ничто).

Когда ученый услышит о Дао, то будет стараться осуществить услышанное (в жизни). Когда человек средней руки услышит о Дао, то не будет соблюдать его до конца жизни. Когда малоученный услышит о Дао, то он будет глумиться над ним. Если бы над ним не глумились, то оно и не заслужило бы имени Дао. Поэтому сказано следующее: тот, кто понимает очевидное Дао, кажется облеченным мраком; тот, кто идет вперед, держась Дао, кажется идущим назад; тот, кто на высоте Дао, кажется обыкновенным смертным. Человек высшей добродетели похож на долину. Человек высшей чистоты похож на презираемого. Человек высшей нравственности похож на неспособного. Совершающий добродетель похож на вора. Испытывающий правду похож на похищающего вещи. У большого четырехугольника не видно углов. Большой сосуд не скоро делается. Самый громкий голос не слышен. Большое изображение не имеет никакой формы. Дао скрыто от нас, поэтому оно не имеет имени. Оно снабжает все существа (силой) и ведет их к усовершенствованию.

Дао произвело одно, одно – два, два – три, а три – все вещи. Всякая вещь носит на себе инь и заключает в себе ян. Находящийся в иступленном состоянии легко умиротворяет. Люди ненавидят тех, которые оставляют сирот и бедняков без помощи. Поэтому умные цари и князья помогают сиротам и беднякам; они же сделаются предметом похвалы (народа). Потеря есть начало размножения, множество – начало потери. Чему другие учили и учат по справедливости, тому и я учу людей. Очень сильный не умирает естественною смертью. Я сделаюсь отцом учения.

Мир смирен: все люди едят и бегают над его твердынею. Небытие поглощается беспромежуточным. Поэтому я знаю, что бездеятельность имеет высокое достоинство. Бессловесное учение и бездеятельность полезнее всего существующего между небом и землей.

Что ближе к себе: свое имя или собственное тело? Что больше: свое тело или богатство? Что тяжелее испытать: приобретение или потерю? Кто увлекается, тот потерпит большой убыток. Кто имеет много, тот может потерять больше, нежели имеющий мало. Кто знает, чем человек должен быть довольным, тот никогда не потерпит позора. Кто знает границы своей деятельности, не приблизится к опасностям, тот будет жить долго.

Великое совершенство похоже на несовершенство, но оно неистоцимо (хотя беспрестанно употребляется). Великая полнота похожа на пустоту, но польза ее неизмерима. Великая прямота кажется не прямой. Великий мастер кажется тупым. Великий оратор кажется заикающимся. Когда беготня преодолевает (тишину), то бывает холодно; когда тишина преодолевает беготню, то бывает тепло. Полная тишина есть пример всего мира.

Когда во всем мире соблюдается Дао, то быстрые кони забудутся и вся нива будет обрабатываться. Когда на всей земле не соблюдается Дао, то военные кони будут расти в окрестностях города. Нет греха тяжелее страстей. Нет беды тяжелее незнания удовлетворения. Нет преступления тяжелее жадного хотения приобрести много. Вот почему знающий меру бывает доволен своим положением.

Не выходя из дома, (мудрецы) знают, что делается на свете. Не глядя в окно, они видят Небесное Дао. Чем больше удаляешься от дома, тем меньше знаешь. Поэтому святые (мудрецы) достигают знания, не выходя никуда; не видя предмета, они знают название его. Не делая ничего, они совершают много.

Учение прибавляется со дня на день, но Дао теряется со дня на день. Эта потеря увеличится и дойдет до желания неделания. Когда человек дойдет до неделания, то нет того, чего бы не было сделано. Если в мире все в порядке, то следует завладеть им, но если нет, то не следует.

Святые люди не имеют определенного (чувства), ибо они принимают чувство простолюдина как свое. Добрых людей я принимаю уже по тому одному, что они добры. Злых принимаю как добрых. Искренним людям я верю; также и верю неискренним, ибо в этом и состоит верх искренности. Когда святые живут на земле, то они просты и тихи; они питают ко всем одинаковое чувство. Для (блага) мира они делают свои сердца темными. Простые люди будут смотреть на них (как на своих учителей) и будут слушать сказание об их делах. Святые смотрят на народ как на младенца.

(Все существа), уходя из жизни, входят в смерть. Жизнь имеет 13 ступеней своего развития; смерть также имеет 13 ступеней. Ступеней человеческой жизни, которая постоянно стремится к смерти, опять 13^[18]. Это почему? Потому что стремление к жизни слишком сильно. Я слышал, что ведущий воздержанную жизнь не боится ни носорога, ни тигра, ни быть на поле сражения без воинского наряда, ибо на нем нет места, куда носорог мог бы ударить рогом, тигр мог бы вонзить свои острые когти и воин мог бы нанести удар мечом. Это почему? Потому что для ведущего жизнь воздержанную не существует смерти.

Дао производит существа, добродетель кормит их; они дают им вещественную форму, а могущество их совершенствует вещи. Поэтому все существа почитают Дао и добродетель. Никто не сообщал Дао его достоинства, а добродетели – ее ценности, но они сами собой вечно обладают ими. Поэтому Дао производит вещи, питает их, дает им расти, совершенствует, делает зрелыми, кормит и защищает. Оно производит их и не делает их своими; делает их тем, что они есть, и не хвалится ими; оно царствует над ними и оставляет их свободными. Вот что называют глубокой добродетелью.

Вселенная имеет начало, которое и есть мать всего мира. По матери можно знать ее сына. Когда сын известен, то и мать будет сохранена невредимо. Хотя тело умирает, но (сущность его) никогда не уничтожается. Кто закрывает уши и глаза, тот останется без употребления во всю жизнь. Кто прислушивается ко всему изящному и старается удовлетворить страстям, тот никогда не спасется. Могущий разбирать мельчайшие вещи называется ясновидцем. Сохраняющий мягкость называется могущественным. Употребляющий свет называется блестящим. Тело исчезает, не оставляя ничего после себя. Это и есть наследие вечности.

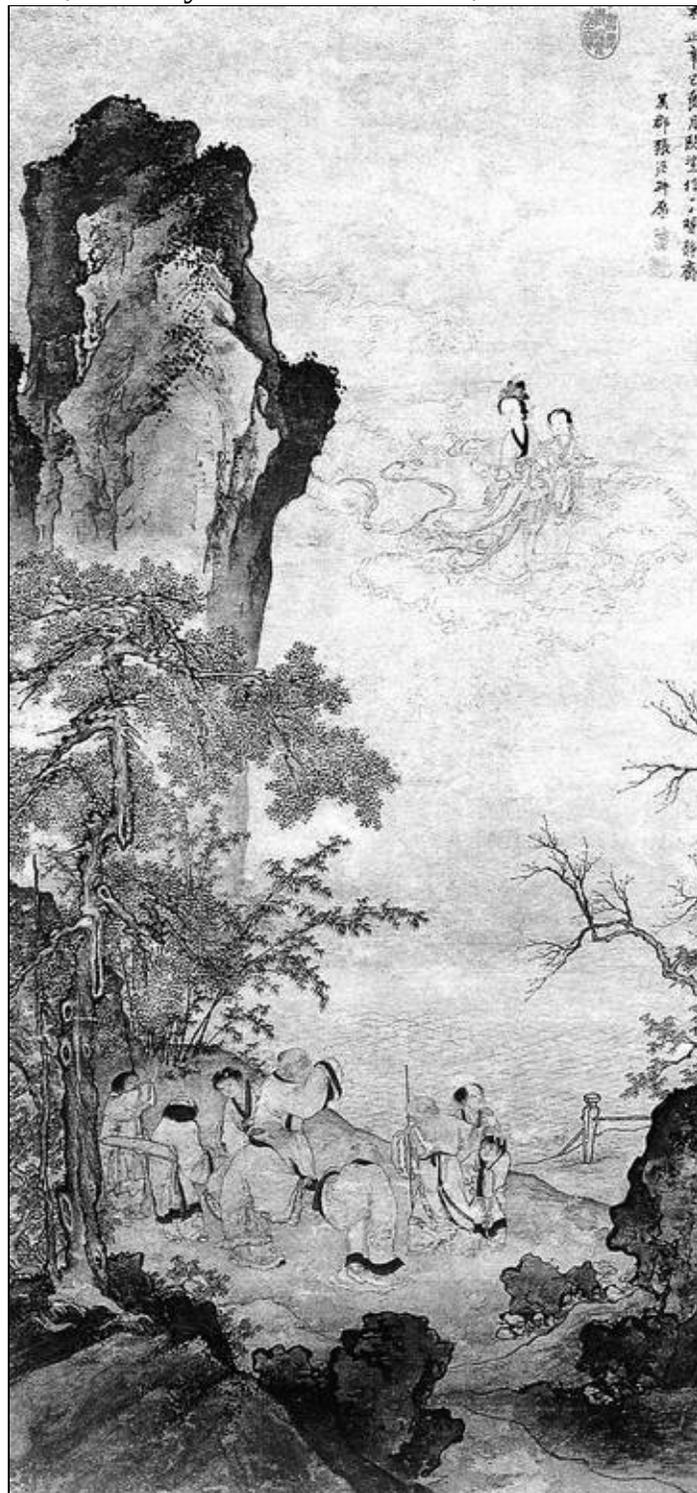

Я беззаботен, но имею ум, поэтому живу в великом Дао. Я раздаю милостыню в великом страхе. Большая дорога (Дао) гладка и ровна, но люди любят ходить по тропинкам. Когда правительство перестанет заботиться о благосостоянии народа, то поля опустеют и государственное хлебохранилище не наполнится никогда; люди будут надевать на себя разноцветные одежды, носить острые мечи и питаться изысканными блюдами. Все это совокупно называется разбойничьей гордостью. Ужели это есть Дао?!

Крепко стоящего нельзя вынуть. Хорошо связанного нельзя развязать. Дни кончины предков празднуются потомками. Кто совершает это для самого себя, тот делает добро только для одного себя; кто совершает это для своего дома, тот делает добро для своего дома; кто совершает это для своей деревни, тот будет начальником в ней; кто совершает это для своей страны, тот делает добро для страны; кто совершает это для всего мира, тот делает добро для всего мира. Я изучаю тело по телу, дом – по дому, деревню – по деревне, страну – по стране и, наконец, весь мир – по всему миру. Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

Достигший нравственного совершенства похож на младенца. Вредоносные насекомые не укусят его; дикие звери не сделают ему вреда; хищные птицы не вопьются в него своими когтями. Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но он будет держать предмет очень крепко. Хотя он не знает, как совокупляется самец с самкою и как образуется зачаток во чреве, но ему известно до подробности все, что совершается в мире. Хотя он кричит целый день, но голос его никогда не ослабеет, ибо в нем (голосе) существует полнейшая гармония. Знание гармонии называется постоянством. Знание постоянства называется очевидностью. Творить приятное только для плоти называется нечистотою. Душа, могущая господствовать над своими настроениями, есть сильная (душа). Вообще, цветущее отцветает, ибо в нем нет Дао. Где нет Дао, там скоро наступит конец.

Знающий много молчалив, а говорящий много не знает ничего. Дао закрывает свои глаза, затворяет ворота, ослабляет острие, развязывает узлы, смягчает свет, собирает мелочь. Это называется непостижимым единством. Сродниться с Дао невозможно; пренебрегать им нельзя; воспользоваться им непозволительно; повредить ему никто не может; чтить его нет основания; презирать его также нет причины. Отсюда видно, что Дао благороднее всего существующего в мире.

Без справедливости нельзя управлять страной. Для того чтобы вести войну успешно, необходима ловкость. Когда в стране нет (еще) беспорядка, (тогда) следует им овладеть ^[19]. Как я могу постигнуть, почему в мире такой порядок, а не иной? Когда в стране много такого, что должно быть уничтожено, народ обеднеет. Когда в стране много удобных машин, то народ перестает работать. Когда в стране много искусных мастеров, то увеличивается число чудовищных вещей. Когда в государстве много законов и постановлений, то число преступников ^[20] увеличится. Отсюда учит и святой: «Когда я ничего не делаю (то есть не предпринимаю ничего нового), то народ делается лучше; когда я спокоен, то народ делается справедливым; когда я не предпринимаю ничего нового, то народ обогащается; когда во мне не будет никакой страсти, то народ делается простодушным».

丙申二月
曾於春
燈
畫
名

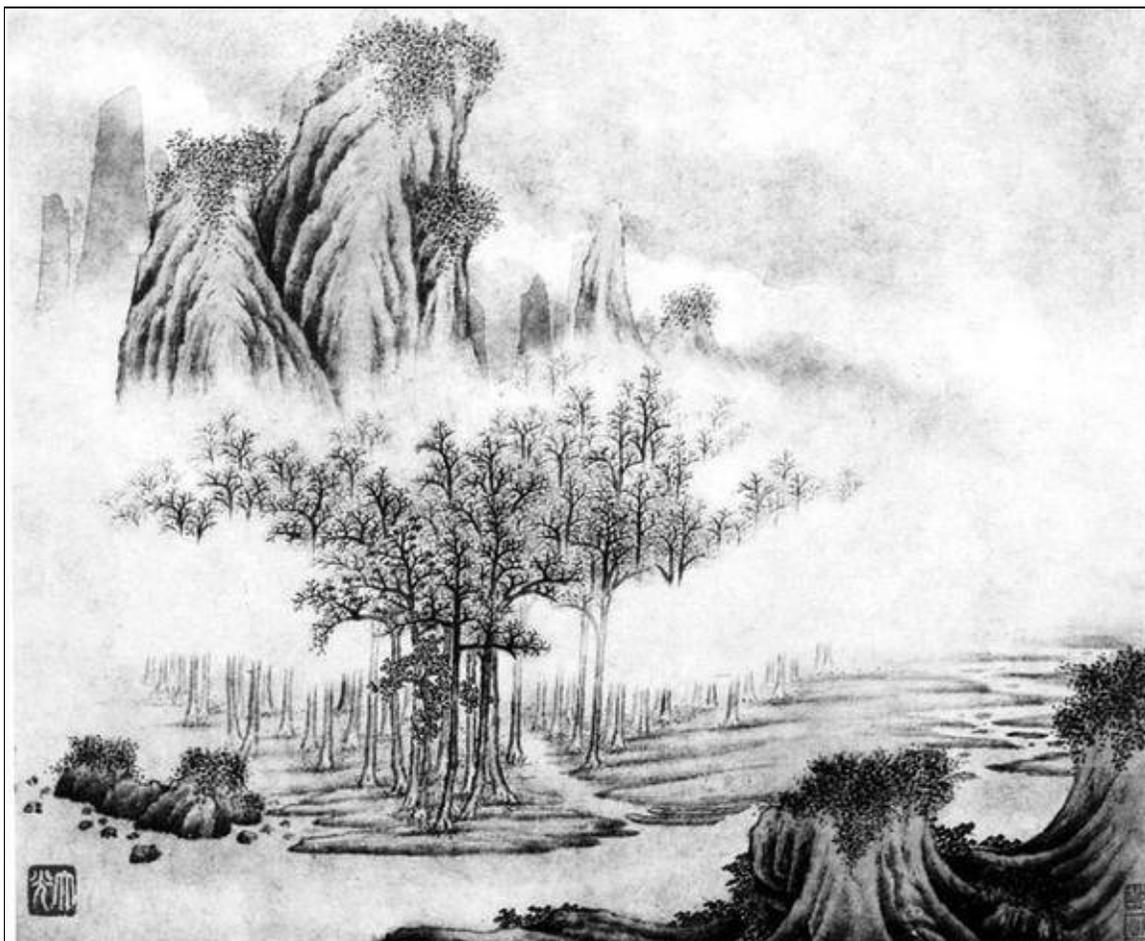

Когда не будет мелочности в управлении государством, то народ обогатится. А когда управление государством мелко, то народ обеднеет. О, беда! Где благо, там и несчастье. О, благо! Где беда, там и счастье. Но я не знаю, где оканчивается беда и где начинается счастье. Где нет правды, там люди будут относиться к правде как к чему-то странному, к добру – как к призрачному. Издавна люди находятся в заблуждении, поэтому святой муж никогда не сделает им уступки. Он не корыстолюбив, но ничего не раздает им. Он – праведник, поэтому он ничего не сделает своевольно. Хотя он – светило для всего мира, но не любит блеска.

Для того чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержание. Воздержание – это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства. Человек высокой нравственности преодолеет всякую трудность. Глубина и могущество силы преодолевшего всякую трудность неизмеримы. Он может быть владыкою мира. Владыка мира и есть мать вселенной. Мать вселенной будет жить вечно, ибо она имеет глубокий корень и крепкое основание^[21].

Управление великой страной напоминает приготовление вкусного блюда из мелких рыб. Когда святой муж будет управлять страной, то злой дух перестанет быть богом. Это, впрочем, не значит, что злой дух перестанет быть богом (или духом), но люди не будут терпеть вреда от него. Святой муж никому не сделает вреда, и никто не повредит ему. Поэтому нравственность святого мужа все более и более усвершенствуется.

Великая страна похожа на устье реки. Совокупление вселенной есть начало^[22] всего мира. Самка всегда побеждает самца потому, что она тиха и спокойно стоит ниже самца. Когда большая страна стоит ниже маленькой, то первая завладеет последней. Когда маленькая страна стоит ниже большой, то первая завладеет последней. Отсюда видно, что стоящая ниже других страна будет владычествовать над всеми другими. Что такое большая страна и маленькая? Большая страна – вместилище многих народов, а маленькая – вместилище немногих. Если правитель страны будет стоять ниже других, то он осуществит свой добрый замысел. Отсюда ясно, что желающий быть великим должен быть ниже всех.

Дао есть глубина бытия. Оно и есть сокровище добрых людей. Оно также и есть то, что держат злые люди. Изящные слова могут быть куплены ценою. Добрые поступки могут быть совершаемы всеми. Хотя люди злы, но нельзя совсем бросить их. Выбирают царя и трех великих сановников. Имея в руках драгоценный камень, они разъезжают в колесницах^[23], но это бесконечно хуже, чем проповедовать Дао, сидя на одном месте. В чем заключается причина того, что в древности Дао глубоко уважалось? Не в том ли заключается, что благодаря Дао прощались преступники? Оттого, быть может, в древности Дао почиталось во всем мире.

Все должны быть бездеятельными. Всем следует соблюдать полное спокойствие. Все должны употреблять простейшую пищу. Великое есть малое, многое – не многое. Ненавидящим вас отомстите добром. Когда вы благополучны, то подумайте, что нужно предпринять во время беды, так как великая беда начинается с незначительной. Беда всего мира происходит из мелочи, как великое дело – из малых. Святой муж не желает быть великим мира, поэтому и совершает великое дело. Легко достигнутое согласие не заслуживает доверия. Где много легких дел, там много и трудных. Вот почему святой муж всегда живет как в беде, поэтому для него не существует беды.

Не трудно держать легкую вещь. Легко предотвратить (беду) до полного обнаружения. Слабого легко разбить, мелкого легко рассеять. Следует устраивать защиту тогда, когда еще нет (в том) надобности (то есть нет врагов). Следует заботиться о спокойствии страны тогда, когда еще в ней все в порядке. Дерево, которого нельзя обнять руками (то есть большое), выросло из маленького. Девятиэтажная башня создается из клочков земли. Чтобы пройти тысячу верст, нужно начать ходьбу с одного шага. Кто может создать, тот может и разрушить. Имеющий может потерять. Святой муж ничего не создает, поэтому ничего не разрушает; он ничего не имеет, поэтому ничего не потеряет. Кто, предпринимая дело, спешит наскоро достигнуть результата, тот ничего не сделает. Кто осторожно оканчивает свое дело, как начал, тот не потерпит неудачи. Поэтому святой муж всегда старается быть беспристрастным, не придавать ценности трудно добываемым вещам и не слушать бесплодного учения. Он повторяет то, что делалось многими. Он будет стараться, чтобы пособить естественному течению вещей, но ни в каком случае не препятствовать ему.

夏五吟梅園

芳師先生舊居梅溪青亭口巖芳
梅樹株木老態奇古老梅一株五月
花開出第一時名號成賦詩紀之此
年五旬事也非今五子餘年矣余
補園曰志莫深憐向日舊觀恍
然心日二佳話也

庚子年五月梅坡老人王廉識

В древности исполнявшие Дао не старались просветить народ: они держали его в невежестве. Причина того, что трудно управлять народом, заключается в том, что народ просвещается и в нем много умных. Управляющий страной посредством умствования погубит ее. Когда страна управляется безо всякого умствования, то в ней будет благоденствие. Знающий (сущность) этих двух пунктов будет образцом нравственной жизни (для народа). Его будут называть (человеком) непостижимой добродетели. О, глубока и непостижима нравственность! Она противоположна, по своему существу, всему вещественному, но никогда не сопротивляется ничему. Она соблюдает великое послушание.

Причина того, что реки и моря суть цари многочисленных долин (по которым текут реки), заключается в том, что первые находятся ниже последних. Вот почему реки и моря суть цари многочисленных долин. Когда святой желает поднять народ, то понижает его. Когда он желает поставить его вперед, то ставит его назад. Отсюда – когда народ займет высокое место, то не будет гордиться; когда пойдет вперед, то никому не сделает вреда. Когда осуществится все, что сказано мною, то на всей земле будет мир. Когда будет мир на всей земле, то не будет ссоры.

Истинно просвещенный человек никогда не воюет. Превосходный воин никогда не разгневается. Победитель никогда не попросит содействия постороннего. Умеющий пользоваться людьми охотно занимает низкое место, что называется добродетелью без сопротивления, средством для (благоразумного) пользования (услугами) людей и, наконец, согласованием с Небом. Таково древнее постановление.

В «Военном искусстве» говорится, что на войне я никогда не бываю активным, а – пассивным. Не сделав ни шага вперед, идти назад аршин – значит уступить врагам оспариваемое без сопротивления. Когда нет врагов, то не бывает войны. Нет беды тяжелее, чем презирать врагов. Презирать врагов – все равно что бросить богатства без надобности. Плачущий об увеличении своего войска всегда будет победителем.

Кто, зная много, держит себя, как незнающий ничего, тот – нравственный муж. Кто, не зная ничего, держит себя, как знающий много, тот болен. Кто болеет телесною болезнью, тот еще не (есть) действительно больной. Святой муж никогда не болеет, ибо он не знает болезни, хотя болеет (телом).

Когда народ перестает бояться сильного, то сильный нападает на него. Каково бы ни было жилище, оно для святого не тесно. Каково бы ни было место рождения, для святого все равно. Никакой предмет не стесняет его, поэтому и он не стесняет никого. Хотя святой хорошо знает свое достоинство, но никогда не обнаружит этого. Хотя ему не чуждо самолюбие, но он никогда не гордится. Вот почему все должны удалиться от первого и приблизиться к последнему.

Кто силен и дерзок, тот убьет людей. Кто силен, но не дерзок, тот оживит людей. Эти оба либо полезны, либо вредны. Никто не знает, почему небо любит один предмет, а другой нет. Решить этот вопрос даже святой муж не может. Небесное Дао никогда не ссорится, поэтому оно побеждает всех. Хотя оно мало говорит, но обсуждает лучше, нежели многоречивые. Никто не вызывает (Дао), но оно присутствует везде. Нам кажется, что оно ничего не делает, но на самом деле оно действует лучше всех. Небесная сеть не плотна и как будто пропускает все предметы через себя; но из нее ничего не выйдет наружу.

Народ, не боящийся смерти, нельзя страшить смертью. Народ, приученный бояться смерти, нельзя страшить делами, могущими причинить ему смерть. Есть люди, должность которых – убивать. Убивающий людей вместо палача называется наместником убийцы. Наместник убийцы повредит свою руку, совершая убийство.

Оттого народ голодает, что слишком велики и тяжелы государственные налоги. Это именно – причина бедствия народа. Народ делается непослушным, если правительство будет хлопотать о нем чрезмерно много. Это именно – причина непослушания народа. Когда народ слишком сильно ищет жизни, то он будет смотреть на смерть как на самое легкое дело. Это и есть причина пренебрежительного отношения народа к смерти. Вот почему не ищущий жизни мудрее ищущего ее.

Новорожденный младенец нежен и слаб. Труп мертвеца крепок и не гибок. Только что распустившееся растение нежно и слабо. Засохшее растение твердо, но не гибко. Отсюда ясно, что нежное и слабое живет. Сильное войско не победоносно. Нельзя поломать связку прутьев. Сильное находится внизу, а слабое – наверху.

Небесное Дао похоже на человека, натягивающего тетиву на лук: высокий поднимает лук наверх, а низкий поднимает взор наверх. Имеющий избыток потерпит потерю. Страдающий недостатком будет иметь избыток. Потому что небесное Дао всегда отнимает у изобилующих и отдает страдающим недостатком. Человеческое Дао, впрочем, наоборот: оно отнимает от неимеющих и отдает изобилующим. Поэтому, кто посвящает свой избыток всему миру, тот имеет Дао. Святой муж делает много, но не хвалится сделанным; совершает заслуги, но не признает их, потому что он не желает обнаружить свою мудрость.

Хотя в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет. В мире нет вещи, которая победила бы воду, ибо она нежнее и слабее всех вещей. Известно, что слабое существо побеждает сильное, нежное – крепкое, но никто этого не признает. Святой муж говорит, что получивший (от царя) удел делается господином; но принимающий на себя несчастье страны делается царем ее. Голос истины противен слуху.

После сильной ненависти останется слабая ненависть. Ненавидящий, хоть слабо, не может творить добро для ненавистного. Святой берет от всех клятвенное свидетельство, но не притесняет никого. Нравственный человек соблюдает клятву, а безнравственный нарушает. Небесное Дао не имеет родственников, поэтому оно всегда склоняется к добрым людям.

Так как в маленьком государстве мало народа, то хотя в нем много лучших орудий, но они останутся без употребления и без надобности. Народ такого государства потеряет всякую предприимчивость и умрет на месте своего рождения, не двигаясь никуда. Если у него много возов и кораблей, то они останутся без употребления. Хотя он имеет благоустроенное войско, но негде выставить его. Он будет плести веревку, чтобы ею оградить свое государство. Хотя он кушает хорошо, одевается красиво, устраивает покойное жилище и живет весело, но существование его будет бесполезно. Хотя такое государство находится с соседним в таком близком расстоянии, что слышны пение петухов и лай собак в нем, но сообщения между ними никогда не будет.

Голос истины неизящен, а изящная вещь лжива. Нравственный человек не красноречив, а красноречивый – лжец. Мудрец не знает многого, а знающий много – не мудрец. Святой муж ничем не запасается. Если запасается чем-нибудь, то для других. Когда он имеет что-нибудь, то все раздает другому. Поэтому запас его все более и более увеличивается. Небесное Дао полезно: оно не имеет в себе ничего вредного для людей. Дао святых – творить добро и не ссориться.

Приступая к изложению нравственного учения китайского философа Лао-цзы, учения, которое содержится в его сочинении «Дао дэ цзин», или «Книга пути и достоинства», я считаю полезным сначала разрешить недоразумение, существующее в русской литературе относительно этого замечательного памятника китайской философии. Я имею в виду известного специалиста по китайской словесности, профессора Васильева. Мне необходимо коснуться его потому, что предлагаемое мною решение поставленного им вопроса могло бы служить и доказательством того, что «Книга пути и достоинства» действительно принадлежит перу Лао-цзы.

Почтенный профессор в 1875 г. издал свой прекрасный и не лишенный оригинальности труд о религии китайцев под общим заглавием: «Религии Востока». Рассуждения и выводы, изложенные в этом труде, очень часто верны и во многих пунктах остроумны. Почтенный профессор высказывает свои мнения весьма авторитетно, да они и в самом деле авторитетны. Но относительно вопроса о подлинности «Книги пути и достоинства» Лао-цзы я не могу, к величайшему сожалению, согласиться с мнением профессора.

Сделав краткое обозрение современного состояния общества даосов, то есть последователей Лао-цзы, и оценив его значение, профессор Васильев произносит следующее суждение: «Одно, что мы можем сказать о сочинении Лао-цзы («Дао дэ цзин») утвердительно, так это то, что оно не могло быть написано в то время, к которому его причисляют» (то есть в VI в. до н. э., ранее Конфуция). Эта книга, заключает автор «Религий Востока», «написана тогда, когда идеи конфуцианства уже приобрели вес» (то есть не ранее II в. до н. э.)^[24].

Эта мысль профессора доказывается им с двух точек зрения:

1. Так как философия Лао-цзы составляет диаметрально противоположность моральной философии китайского мудреца Конфуция, то она не могла появиться ранее системы Конфуция.

2. В философии Лао-цзы замечается отражение буддийской философии. Это, по мнению почтенного профессора, возможно было только после перенесения буддизма в Китай, что совершилось во II в. до н. э. Следовательно, учение Лао-цзы не могло появиться до II в. до н. э.

На чем основывает профессор Васильев свое первое положение?

Конфуций, родившийся в ноябре 551 г. до н. э. и умерший в апреле 479 г., действовавший и проповедовавший свое учение преимущественно во время царствования императора Кей-воо^[25] из династии Сиу^[26], не скоро получил такой авторитет, каким он пользовался потом в продолжение более чем двадцати столетий. Ортодоксальность учения Конфуция была окончательно доказана Мэн-цзы, жившим во второй половине IV в. до н. э. Благодаря ему учение Конфуция получило непоколебимую авторитетность в Срединной империи. Стало быть, учение Конфуция получило каноническое для китайского народа значение, по крайней мере, в III в., но никак не раньше. Отсюда, по мнению профессора Васильева, следует, что философия Лао-цзы, которая будто бы есть акционное движение против конфуцианской нравственной философии, могла появиться только во II в. до н. э.

Посмотрим, насколько правильно это рассуждение профессора Васильева.

Прежде всего следует спросить себя: философия, создателем которой профессор считает Конфуция, есть ли в самом деле исключительно его создание? Конечно нет. В своих беседах с учениками Конфуций очень часто говорит, что его учение не есть его собственное, а лишь изложение «Учения блаженнейших царей». Это заявление делалось им не для того, чтобы

придать своему учению больше авторитета, а искренне, без всякой задней мысли.

Поэтому оно дает нам полное право заключать, что нравственное учение Конфуция не есть совершенно новое и самостоятельное создание его ума, а лишь развитие существовавшей до него морали. Если мы раскроем книги «Ши-цзин», «Шу-цзин», «И-цзин», происхождение которых, несомненно, относится ко времени доконфуцианскому, то есть к первым годам царствования династии Сиу, то увидим, что в этих книгах находятся все те идеи, которые впоследствии проповедовал Конфуций.

Говоря так, я не желаю отнять у Конфуция приписываемых ему заслуг. Он, без сомнения, совершил для своей страны великое дело, выяснив точно, в чем заключалось нравственное учение блаженнейших царей, и утвердив своим авторитетом на многие века идеалы нравственной жизни, созданные народом в продолжение предшествующих столетий.

Тем не менее несомненно, что философская мораль, создателем которой профессор признает Конфуция, уже существовала в Китае ранее этого нравоведателя. Если так, то ясно, что «Книга пути и достоинства» Лао-цзы могла быть написана в противовес традиционной морали и вообще древнему мировоззрению Китая, а не специально против конфуцианства. Лао-цзы думал, что зло, ослабляющее Среднюю империю, заключается в традиционной морали, в так называемом «Учении блаженнейших царей». Поэтому, желая дать народу вполне естественное нравственное учение, могущее искоренить предполагаемое зло господствовавшей тогда в народе морали, он создал свою в высшей степени осмысленную и оригинальную философскую систему.

Если бы философия Лао-цзы возникла как протест против нравственного учения Конфуция, то автор «Книги пути и достоинства» сказал бы хоть одно слово о том учении, против которого он написал свой трактат, между тем он не делает никакого намека на него. В «Книге пути и достоинства» даже нет ни одного выражения, которое хоть косвенно касалось бы Конфуция. Наш философ излагает свое учение спокойно и догматически: у него совершенно отсутствует полемический тон. Это дает нам основание предположить, что Лао-цзы писал свой знаменитый трактат только для того, чтобы оставить после себя изложение своих идей.

Приводит ли почтенный профессор какие-нибудь исторические данные для подтверждения своей гипотезы?

На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Профессор Васильев, предлагая свое мнение, не говорит нам, на чем оно основывается. Он не только не ссылается на исторические данные, но почему-то и недоверчиво относится к словам знаменитого китайского историка Сыма Цянь^[27], то есть к единственному достоверному повествованию о Лао-цзы. Правда, Сыма Цянь сообщает нам очень немного о жизни этого мыслителя, но тем не менее он дает нам некоторые достоверные сведения о нем.

Знаменитый китайский историк жил во второй половине II и в первой половине I в. до н. э. Будучи тайси, то есть начальником комиссии для составления древней истории Китая, Сыма Цянь, по повелению тогдашнего царя Средней империи, в 91 г. до н. э. издал свой превосходный труд «Историческое повествование» – «Ши-цзи», состоящий из 126 книг. Историк, обладая замечательным литературным талантом и редким тактом, при составлении своей истории пользовался всевозможными документами, хранившимися в императорских архивах и книгохранилищах. При изложении исторических фактов он, как истинный историк, поступает чрезвычайно осторожно: к каждому факту истории он относится критически; поэтому он не допускает ничего легендарного, когда есть известия более или менее достоверные^[28].

Живя близко к эпохе деятельности Лао-цзы и Конфуция, Сыма Цянь мог собрать вполне достоверные сведения о них. Он пишет в своем «Историческом повествовании», между прочим, что Конфуций имел свидание с Лао-цзы. Отрицать достоверность этого исторического известия нет никакого основания.

В 63-й книге «Исторического повествования» Сыма Цянь излагает, между прочим, биографию трех мыслителей Китая: Лао-цзы, Соси и Канписи. Последних двух он считает последователями первого, но не говорит, были ли они непосредственными учениками Лао-цзы или нет. Судя по этому, следует заключить, что они не были современниками Лао-цзы: наш философ жил, по-видимому, много лет раньше, нежели Соси и Канписи.

Но когда жили и действовали философы Соси и Канписи? По свидетельству китайских историков, оба они жили в последние десятилетия царствования династии Сиу, которая окончательно пала в 241 г. до н. э. Отсюда ясно, что годы деятельности этих двух философов относятся к началу III и концу IV в. Из этого, в свою очередь, мы заключаем, что Лао-цзы жил и действовал несомненно раньше IV в. А если так, то указанная профессором Васильевым хронологическая дата появления сочинения Лао-цзы лишена всякого основания; «Книга пути и достоинства» появилась, по крайней мере, тремя или четырьмя столетиями раньше, чем предполагает почтенный синолог.

Теперь обратимся к свидетельству философа Канписи о Лао-цзы.

Хотя очень ясно влияние Лао-цзы на систему Соси, но последний не говорит о нем в своих многочисленных сочинениях. Напротив, Канписи пишет о философии Лао-цзы очень много. В одном из лучших своих сочинений он делает превосходное изложение философских взглядов Лао-цзы. Это дает нам твердое основание утверждать, что уже в IV в. до н. э. сочинение нашего философа «Книга пути и достоинства» было достаточно распространено.

Правда, в сочинениях Канписи нет никакого указания на то, когда жил и действовал Лао-цзы, но тем не менее он говорит о нем как о человеке, жившем намного раньше, нежели он. Вне всякого сомнения, что в то время, когда Канписи излагал систему Лао-цзы, создателя ее давно не было в живых.

В повествовании Сыма Цяня о Лао-цзы говорится, что наш философ изложил свою философию в 5 тысячах слов по требованию западного пограничного чиновника. К этому известию профессор Васильев относится очень недоверчиво. По моему исчислению, все слова, вошедшие в состав этого знаменитого сочинения, составляют 5296. Таким образом, упомянутое указание имеет известную цену, и ради того, что оно не совсем точно, отрицать подлинность повествования нет причины.

Второе основание гипотезы профессора Васильева то, что в учении нашего философа замечается отражение буддийской философии и пр. Этот аргумент также представляется довольно произвольным.

Прежде всего нужно заметить, что пессимизм свойствен вообще человеческой душе, а жителям Востока в особенности; поэтому не следует удивляться тому, что мы находим его и в системе Лао-цзы. Богатая природа Китая не была ограждена от случайных бед, могущих разорять благосостояние народа; избыток вод часто опустошал огромные пространства; нашествие диких племен не всегда могло быть предотвращено; внутренний политический разлад иногда уничтожал все, нажитое народом. Все эти беды способствовали образованию пессимистического взгляда на жизнь.

Если мы возьмем лаоцзыевский пессимизм и сравним его с буддийским, то найдем неизгладимое различие между ними. Буддизм проповедует абсолютное прекращение всякого рода душевных процессов, составляющих преимущество разумного существа, то есть проповедует нирвану. У Лао-цзы ничего подобного мы не находим. Буддизм утверждает, что в самом существовании человека лежит нравственное зло; Лао-цзы этого не допускал.

Правда, в одном из афоризмов наш философ говорит о периоде, «когда все (люди) сделаются бездейственными» («Дао дэ цзин», гл. 33 и многое другое; далее будет указываться только номер

главы. – Ред.), а в других проводится мысль, что «для того, чтобы быть святым, нужно соблюдать бездействие», но это еще не буддийская нирвана. «Бездеятельность» Лао-цзы нужно понимать в особом значении. Он хочет сказать, что «не следует портить естественного состояния человека посредством излишнего умствования».

Необходимость понимать «бездейственность» Лао-цзы в указанном смысле подтверждается «Книгой пути и достоинства». Наш философ усердно проповедует людям самоусовершенствование, чего невозможно достигнуть при полной бездеятельности. Деятельность, согласно Дао (то есть согласно учению об истинной нравственности), есть бессловесная проповедь о Дао:

«Когда святой муж управляет страной, то сердце его пусто, а тело полно; он ослабляет свои желания, и этим усиливает кость» (3). Это изречение означает, что нам необходимо стараться не мудрствовать напрасно, что никогда не приносит пользы, а прямо действовать, подобно тому, как сытый человек способен работать больше, нежели голодный.

Таким образом, Лао-цзы не проповедует нирвану, а напротив – отстаивает деятельность без праздного мудрствования. Отсюда ясно, что существует большое различие между буддийским и лаоцзыевским пессимизмом. Теория профессора Васильева о зависимости учения Лао-цзы от буддийской философии, как оказывается, не имеет реального основания.

Нельзя не упомянуть и о языке «Книги пути и достоинства» как одном из свидетельств древности и подлинности ее. Она отличается необыкновенною сжатостью, силой выражения, фигуральностью, отрывочностью и очень часто некоторой темнотой выражения. Прием лаоцзыевского писания очень оригинален: он существовал только в глубочайшей древности. В этом отношении из всех философов один Конфуций может быть поставлен в одном ряду с Лао-цзы; Менси, Канписи, Соси и другие писатели, жившие в III и IV вв. до н. э., пишут совсем иначе, чем наш философ.

Конечно, я не выставляю этого соображения как вернейшего признака древности и подлинности «Дао дэ цзин», но тем не менее и оно может служить подтверждением моей мысли.

II

Вопрос о личности Лао-цзы один из труднейших в истории китайской философии. Известия о нашем философе, переданные Сыма Цянем, так бедны и незначительны, что нет никакой возможности составить по ним полное жизнеописание мыслителя. Правда, кроме известий Сыма Цяня, существует в китайской литературе целый ряд апокрифических сказаний о Лао-цзы, но в них мало достоверного. Поэтому при составлении жизнеописания Лао-цзы нужна большая осторожность.

Относительно года рождения нашего философа нет никаких достоверных данных. Известный синолог Станислас Жюльен думает, что Лао-цзы родился в 604 г. до н. э.^[29]

Эта хронологическая дата, как утверждает сам Жюльен, взята им из апокрифических авторов, но тем не менее заслуживает внимания. Если мы поверим известию, переданному историком Сыма Цянем, что Конфуций имел свидание с Лао-цзы, то можно будет предположить, что годы цветущей деятельности нашего философа относятся приблизительно к началу политико-философской деятельности Конфуция. Отсюда можно заключить с вероятием, что Лао-цзы родился приблизительно в начале 600-х гг. до н. э.

Родители философа жили в селе Кёку-Зин, уезда Лей, провинции Ку, которая находилась в королевстве Со (близ теперешнего Пекина)^[30]. Какой была их профессия, об этом не сохранилось

никаких известий. Во всяком случае, местечка, в котором родился Лао-цзы, давно не существует^[31]. Имя Лао-цзы значит «престарелый философ». Это не есть собственное имя его; так называли и называют его древние и современные китайцы, желая этим выразить уважение к нему как мыслителю.

Фамилия его была Ли, имя Зи, псевдоним Хакуян^[32], а после смерти ему дали прозвище Сен (Длинноухий).

Комментатор «Исторического повествования» Сыма Цяня говорит, что Лао-цзы носил фамилию Ли по матери, а свой псевдоним заимствовал от имени своего отца.

О том, какое образование получил Лао-цзы, до нас не дошло никаких сведений. Но, судя по тому, что впоследствии наш философ нес важную государственную службу, доступ к которой был открыт только для выдержавших особые государственные экзамены, нужно думать, что Лао-цзы в своей молодости получил хорошее, конечно в тогдашнем смысле, образование.

В одном примечании в истории Сыма Цяня приводятся слова апокрифа: «Лао-цзы был (человек) высокого роста; цвет лица у него желтый, красивые брови, длинные уши, широкий лоб, редкие и некрасивые зубы, четырехугольный лоб с толстыми и безобразными губами»^[33].

Образ жизни Лао-цзы, по преданию, был весьма своеобразен. Не подлежит сомнению, что он исполнял или, по крайней мере, старался исполнять все то, что ему казалось истиной, правдой.

По-видимому, он был человек простой, нетребовательный, скромный и, так сказать, нищий духом. Каково было его материальное обеспечение, об этом есть очень достоверное известие. В 20-й главе «Дао дэ цзин» он пишет: «Многие люди богаты, но я не имею ничего, как будто все потерял». Это дает нам основание заключить, что Лао-цзы был не богат; но если принять во внимание, какой пост он занимал в период своей государственной деятельности, то нельзя предполагать, что он был совсем не обеспечен. Однако есть основание думать, что он раздавал бедным все, что имел, делая это втайне от всех. «Я раздаю милостыню, – говорится в 53-й главе «Дао дэ цзин», – в великом страхе»^[34]. Он учил не мудрствовать, а действовать^[35], не мечтать, а работать^[36]. Словесное учение недействительно и несущественно, а истинное учение, по его мнению, должно осуществляться на деле, то есть необходимо делами доказывать истинность учения.

Это дает нам основание думать, что во время своей служебной деятельности наш философ не столько проповедовал свое учение, сколько старался осуществлять его на деле. Тем не менее есть основание предположить, что учение Лао-цзы получило громкую известность еще при жизни его. «На всей земле (то есть в Китае), – пишет он, – люди говорят, что мое Дао велико» (67).

Несомненно, что Лао-цзы очень рано стал чувствовать склонность к аскетической жизни. Он был очень рассудителен; ему были чужды всякого рода порывы чувств и экстазы. В его общественной и частной жизни не имели места никакие страсти.

Аскетическое настроение и образ жизни, однако же, не мешали ему вести семейную жизнь, хотя о ней мы никаких точных известий не имеем. В «Историческом повествовании» Сыма Цяня есть, однако, любопытное известие относительно судьбы потомков Лао-цзы. Сын нашего философа Со был сыном времени своего в полном смысле этого слова: он избрал военную карьеру, к которой отец его относился отрицательно. Он не сочувствовал учению своего отца.

Лао-цзы, по известию Сыма Цяня, был начальником императорского книгохранилища (или же государственного архива). Долго ли он находился на этой должности, нам неизвестно.

Впрочем, нужно заметить, что эта служба Лао-цзы имела громадное влияние на развитие его философской мысли, так как дала ему свободный доступ к хранилищу всякого рода знаний.

Современное ему китайское общество, среди которого он вырос, тоже не осталось без влияния на его ум. И ему, как впоследствии Конфуцию, хотелось спасти своих единоплеменников от бесконечных политических усобиц. Это стремление очень ясно и характерно отразилось на всей системе его философии.

В каком отношении находился Лао-цзы к мыслителям своего времени, об этом подробных сведений не сохранилось.

Историк Сыма Цянь передает нам весьма интересное известие о свидании двух великих философов Срединной империи: Лао-цзы и Конфуция. Постараюсь буквально передать то, что пишет историк Китая.

«Когда Конфуций находился в Сиу, – пишет Сыма Цянь, – то он посетил Лао-цзы, чтобы услышать мнение его относительно обрядов».

«Обрати внимание на то, – сказал Лао-цзы Конфуцию, – что люди, которые учили народ, умерли, и кости их уже давно истлели, но слова их доселе существуют. Когда мудрецу благоприятствуют обстоятельства, он будет разъезжать на колесницах, когда же нет, он будет ходить, нося на голове тяжесть, держась руками за край ее»^[37].

«Я слышал, что опытный купец скрывает свой товар, как будто ничего не имеет. Точно так же, когда мудрец имеет высокую нравственность, то наружность его не должна этого выражать. Ты брось свою гордость, вместе со всякого рода страстями; оставь свою любовь к прекрасному вместе с склонностью к чувственности, потому что они бесполезны для тебя».

«Вот что я говорю тебе, и больше ничего не скажу»^[38].

«Удалившись от нашего философа, Конфуций сказал своим ученикам: я знаю, что птицы умеют летать, рыбы умеют плавать в воде и животные умеют бегать. Также знаю, что бегущих можно остановить тенетами, плавающих – сетями, а летящих – силками. Но что касается дракона, то я не знаю ничего. Он несется на облаках и поднимается на небо».

«Я сегодня увидел Лао-цзы. Не дракон ли он?»^[39]

К этому известию Сыма Цяня профессор Васильев относится скептически; он готов причислить его к числу легенд о Лао-цзы, но, как мы видели, без достаточного основания^[40].

Возможность свидания двух философов Китая на самом деле вполне вероятна. Конфуций, как человек любознательный, долго искал истины. Поэтому он мог обратиться к нашему философу, известнейшему ученому того времени, чтобы уяснить себе, в чем состоит сущность обрядов, которым китайцы придавали огромное значение. Приехав в столицу тогдашнего Китая, Конфуций, естественно, мог пожелать посетить местную знаменитость.

Притом, если мы обратимся к содержанию переданной нами беседы двух великих философов, то должны будем признать, что каждый выразил в ней характерную и существенную сторону своей философии. Лао-цзы, как проповедник теории смирения, предлагает Конфуцию бросить гордость и увлечение вещами из мира сего; Конфуций, придававший огромное значение всему конкретному, спрашивает Лао-цзы об обрядах и удивляется возвышенному и глубокомысленному учению своего собеседника.

Лао-цзы был очень недоволен современными ему общественными и политическими делами. Это недовольство было до того сильно, что он, оставив свою государственную службу, удалился в уединение. Желая жить вне той страны, беспорядок и нравственное падение которой его возмущали, он хотел уйти через западную границу в страны варваров. Но тут случилось нечто неожиданное для него. Увидев, что этот знаменитый муж удаляется из империи, начальник пограничной стражи Ин-ки сказал ему: «Философ! ужели ты думаешь скрыться? Если так, то прошу – изложи сначала свое учение для нашего наставления»^[41].

И вот Лао-цзы, удовлетворяя требованию любознательного чиновника, будто бы написал

знаменитую «Книгу пути и достоинства». Но тут возникает вопрос: написал ли Лао-цзы свою книгу сразу или в разное время? Ответ, думается мне, находится в самом «Дао дэ цзин». Более обстоятельное знакомство с сочинением показывает, что каждый афоризм его вполне самостоятельный и не имеет внешней связи с другими. Это дает полное право заключить, что «Дао дэ цзин» написан в разное время, по разным поводам. Поэтому отданная нашим философом пограничному чиновнику рукопись «Дао дэ цзин» была, вероятно, сборником его афоризмов. Как жил Лао-цзы после того, как удалился в уединение, об этом решительно ничего не известно. «Некоторые думают, – пишет историк Сыма Цянь, – что Лао-цзы жил до 160 лет от роду, другие – до 200 лет благодаря своей святой жизни, согласной с Дао»^[42].

Если это известие и преувеличено, то все-таки вероятно, что, ведя жизнь вполне воздержанную и умеренную, наш философ пользовался крепким здоровьем и дожил до глубокой старости.

Считаю не лишним сказать теперь несколько слов о том, какая судьба постигла учение Лао-цзы.

Учение это, составляющее в некоторых отношениях диаметрально противоположность традиционному мирозерцанию Срединной империи, по-видимому, не могло найти много последователей; тем не менее в каждом столетии оно находило истолкователей, которые, желая развить далее философские воззрения своего великого учителя и закончить работу его мысли, отчасти повредили ему. Соси и Зюнь-си, развивая теоретическое и нравственное мирозерцание Лао-цзы, внесли в систему его много чуждых ей элементов, а Канписи, развивая политико-социальные воззрения Лао-цзы, довел их до последней крайности.

Таким образом, система нашего философа, уже вскоре после смерти его, подверглась довольно серьезному искажению, хотя и сохранила имя лаоцзызма. Но на этом дело не остановилось: чем дальше шло время, тем больше учение Лао-цзы извращалось. Лао-цзызм особенно много потерпел от буддизма.

Буддизм был занесен в Китай во II в. до н. э. С необыкновенной быстротой распространяясь среди народа, он обратил на себя внимание даосов.

Даосы, усвоившие только аскетическую идею своего учителя и не понимавшие сущности его философской системы, с великой радостью встретили буддистов: они видели в буддизме дальнейшее развитие своей аскетической идеи. Вот с этих-то пор и начинается печальная история лаоцзызма. Оригинальное мирозерцание великого Лао-цзы стало забываться среди его последователей; внешний строй и внутреннее устройство общества даосов окончательно изменились: в них вошло много буддийских элементов.

Кроме буддизма, на общество даосов имели влияние разные народные верования.

В таком печальном виде общество даосов существует и донныне в Китае и Японии.

Профессор Васильев прав, когда, характеризуя современное состояние указанного общества, говорит, что они – последователи Лао-цзы только по имени, а не по существу. «Даосизм, – пишет он, – есть самый разнородный состав всякого рода верований и приемов, не имеющих между собой ничего общего... У всех них общего только имя да то, что все они признают своим учителем Лао-цзы»^[43].

III

При более или менее обстоятельном знакомстве с философской системой Лао-цзы является вопрос: где искать источники его философского мирозерцания?

Ответить на этот вопрос не легко. Искать их следует, по нашему мнению:

1. В индивидуальном складе ума Лао-цзы.
2. В исторических условиях существования современного ему Китая.

1. Если мы обратим внимание на ход развития мыслей в «Книге пути и достоинства», то нельзя не заметить, что философию Лао-цзы можно охарактеризовать как созерцательное умозрение. Духовный смысл и внутренний закон бытия всего более занимают Лао-цзы. Каждый факт из духовно-нравственного и физического мира, совершившийся вокруг него, вызывал усиленную деятельность его ума: ему хотелось проникнуть в сущность и внутренний смысл всякого явления. Все, что совершалось вокруг него, казалось ему только мимолетным; в основании скоропроходящего течения вещей лежит нечто существенное и прочное. И вот в одном из афоризмов Лао-цзы утверждает, что «красивое есть только безобразное; доброе – только злое» (2). Это значит, что красивое для глаз не есть истинно красивое; доброе, в обыкновенном его смысле, не есть истинно доброе. Истинно красивое мы можем видеть только очами разума; точно так же истинно доброе открывается только нашему духу.

Эта черта философии Лао-цзы, напоминающая у греков учения Гераклита, элейцев и Платона, самая существенная: она очень ярко выступает в каждой его мысли. Наш философ искал сущности всего и углублялся в свой внутренний мир. Все материальное и конкретное представлялось ему только кажущейся стороной бытия; уже одно то, что в мире есть изменение, ясно доказывает существование неизменного, постоянного и обнимающего все бытие.

Это неизменное, постоянное и обнимающее все бытие, по Лао-цзы, есть Дао.

Понятие «Дао» – исходная точка всей системы Лао-цзы и фундамент его мирозерцания; на этом понятии наш философ построил все здание своей метафизики.

Весьма сложная, но приведенная в строгое единство, система философии Лао-цзы могла выработаться только путем глубокого созерцательного умозрения. Исследовав сущность нашего знания, наш философ говорил: «Нет знания», потому что «я не знаю ничего» (70). Это изречение Лао-цзы очень хорошо характеризует его философию.

Хотя он не знал о существовании дельфийской надписи «Познай самого себя», но, путем собственной умственной работы, пришел к вышеупомянутому выводу. Сократовская формула: «Я знаю, что ничего не знаю», в сущности та же, но Лао-цзы высказал ее целым столетием раньше Сократа.

2. Среда, то есть исторические условия времени, влияет на каждую личность существенным образом. И действительно, прочитывая историю Срединной империи периода деятельности нашего философа в параллель с его «Книгой пути и достоинства», нельзя не удивляться тому, как характерно повлияли на философское мирозерцание Лао-цзы современные ему исторические условия, которыми он так возмущался. В этом отношении Лао-цзы даже характернее Конфуция^[44].

Он родился в то время, когда царствовавшая в Китае династия Сиу переживала последний период своего существования и вся Срединная империя разделилась на семь феодальных королевств. Эта эпоха в истории Срединной империи известна под именем «эпохи войн». Смуты и войны, среди которых Лао-цзы провел свою молодость, повлияли на свежий и могучий ум его; вся печальная картина тогдашней общественной и частной жизни возмущала нравственное его чувство. Несомненно, что Лао-цзы желал вывести свое отечество из такого тяжелого положения. И это желание побудило его к исследованию причин несчастий страны.

К чему привело оно нашего философа?

Он нашел, что причина всех бед заключается в излишнем мудрствовании людей, в

отсутствии в них смирения и человеколюбия и в непреодолимом стремлении их к богатству, власти и почестям. Поэтому он, прежде всего, учит об отречении от всякого рода умствования, от богатства, власти и почестей; он проповедует человеколюбие и смирение в Дао.

Когда люди перестанут умствовать, думалось нашему философу, то будут благоденствовать; когда богатство потеряет смысл, то не будет воров; когда почести потеряют всякое значение, то люди перестанут ненавидеть друг друга; когда власть будет уничтожена, то не будет ссор между людьми.

Это учение Лао-цзы выводит из понятия Дао. Дао потому выше всех существ и господин всего бытия, что стоит ниже их. «Причина того, что море есть царь многочисленных рек и речек, заключается в том, – пишет наш философ, – что оно находится ниже последних» (66). Оно (то есть Дао) потому блаженно, что не умствует, не стремится к богатству, к почестям и к власти.

Дао не умствует, по Лао-цзы, и потому умнее всех умных; не ищет богатства, и поэтому богаче всех богатых; не ищет почестей, и потому славой его полна вся вселенная; оно не стремится к власти, и потому оно царь всех царей.

Эти пункты учения Лао-цзы составляют диаметрально противоположность нравственному настроению тогдашнего общества.

Таким образом, система Лао-цзы имеет тесную связь с современным ему нравственным состоянием Срединной империи.

Перейдем теперь к более подробному изложению системы философии Лао-цзы.

IV

Философию Лао-цзы мы можем назвать философией Дао, потому что это выработанное им понятие служит единственной исходной точкой его системы.

Китайское слово «Дао» означает: «путь», «повиновение», «слово», или «говорить» – в общеупотребительном языке; «истина» или то, что непременно должно быть так, а не иначе, – в философском смысле; оно же означает императивный долг, или то, что человек должен делать, как человек, – в этическом смысле.

Таким образом, одно уже филологическое объяснение, заимствованное из китайского толкового словаря Ко-ки, ясно показывает разнообразный смысл слова «Дао».

До времени философской деятельности Лао-цзы слово «Дао» (или, вернее, То или До) употреблялось только в двух смыслах: 1) дорога, или путь; 2) императивный долг человека^[45]. Наш философ впервые обозначил этим словом сверхчувственное существо и положил его в основание своей системы, где нет ни одной мысли, которая не была бы так или иначе связана с учением о Дао. Выработанное Лао-цзы метафизическое понятие Дао вполне самостоятельно и носит на себе, как видно будет из дальнейшего нашего изложения, индивидуальную его печать.

Философию Лао-цзы можно разделить на две части: метафизику Дао и этику. Первая из них, в свою очередь, распадается на учение о Дао и космологию; вторая – на этику индивидуальную и социальную.

Из этих частей философии Лао-цзы наибольший интерес представляет для нас его этическое учение, так как в нем особенно проявилась сила и оригинальность ума Лао-цзы. Поэтому я сначала изложу нравственное учение его, а потом – метафизическое учение о Дао и космологию.

Мрачная картина человеческой жизни навела Лао-цзы на размышления. Внимательное наблюдение человеческой жизни, с целью найти причины нравственного падения современного ему общества, привело его к мысли выработать учение, которое могло бы направить человека на путь истины. Это стремление Лао-цзы и отразилось на всей его этической системе.

Лао-цзы признает глубокую испорченность нравственной природы людей и возмущается этим явлением. Но в противоположность Шакья-Муни, утверждавшему, что зло лежит в самом существовании человека и что поэтому нет иного спасения, кроме «нирваны», Лао-цзы, хотя и признает существование зла в мире и его могущество, однако допускает возможность победы над ним и совершения добрых дел. Творить добро или зло, по мнению его, зависит от доброй воли каждого. Эту мысль он метафорически излагает в одном из афоризмов. «Большая дорога, – пишет он, – гладка и ровна, но люди любят ходить по тропинкам» (53). Идти по большой дороге значит здесь – делать добро, а идти по тропинкам – творить зло. Признавая таким образом возможность нравственного выбора в человеке, наш философ приступил к выработке своей нравственной системы, положив в основание ее понятие Дао.

Лао-цзы смотрит на нравственность как на нечто возвышенное и духовное. В одном из афоризмов он ясно отмечает, что нравственность не имеет ничего общего со всем материальным (55, 25). Такой взгляд на самую сущность нравственности имел для нашего философа громадное значение при определении нравственного идеала. И вот Лао-цзы утверждает, что всевышнее существо, Дао, и должно быть идеалом нашей нравственной жизни. Это учение очень ясно и решительно высказано им в следующем изречении: «Живущий по Дао равен Дао» (23), выражение, которое невольно напоминает великое изречение Христа Спасителя: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный»^[46].

Определив так нравственный идеал, Лао-цзы указал людям на путь бесконечного нравственного усовершенствования: как бы высока ни была достигнутая нами ступень нравственности, каждому из нас всегда остается желать еще лучшего. Эту мысль очень хорошо выражает Лао-цзы следующими словами: «Исполняющий Дао никогда не бывает доволен собой» (15).

Принцип нашей нравственности – также Дао, понимаемое в смысле безусловного добра. «Высоконравственный, – пишет Лао-цзы, – повинуется только одному Дао» (21). Правда, Лао-цзы весьма сочувственно относится к нравственному принципу середины (5; в этом афоризме говорится, между прочим:

«Лучше всего соблюдать средину»), но лаоцзыевская середина не есть искусственная и абстрактная середина конфуцианства, которое определяет ее: «ни к чему не склоняться – середина». Последняя мыслима, но не исполнима; лаоцзыевская же середина есть разумное воздержание от крайностей.

По учению Лао-цзы, мерилom добра и зла должно быть Дао. В нравственной деятельности согласие с Дао – добро, а противное ему – зло. Другими словами, вполне естественное – добро, а противоестественное – зло (64). Данный в Дао критерий наш философ называет голосом истины, который есть в душе каждого. Голос истины – это, по христианской терминологии, внутренний человек, который произносит свой решительный суд над каждым действием человека. Эту мысль Лао-цзы выражает в метафорическом сравнении. «Небесная сеть (то есть голос истины), –

говорит он, – не плотна и будто бы пропускает все (то есть добрые и дурные мысли людей) сквозь себя, но на самом деле ничего не выйдет из нее» (23) (то есть без его приговора).

Несмотря на то что этот голос истины решителен и строг, он осуществляется с трудом и нередко заглушается голосом лжи. «Голос истины, – говорит Лао-цзы, – неизящен» (81, 78), поэтому нам он неприятен, а голос лжи соблазнителен, поэтому – приятен. Слушаться неприятного голоса и не слушаться приятного – долг человека, ибо «творить приятное, – говорится в «Дао дэ цзин», – называется нечистотою» (55). Поэтому Лао-цзы учит, чтобы все люди были внимательны к суровому голосу истины.

Мнение Лао-цзы о тех условиях, при каких возможно достигнуть высокой нравственности, довольно оригинально. Главным препятствием нравственному совершенствованию он считает учение и умствование, которые приводят людей только в заблуждение и заглушают врожденное человеческой душе Дао. Поэтому Лао-цзы является ярким противником всякого рода умствования. «Когда будет уничтожено учение, – пишет он, – то печали не будет» (10, 20). «Когда великое Дао (то есть праздное умствование или учение), – иронически говорит он, – будет покинуто, то явится человечность» (18). «Когда будут оставлены святость и мудрость, – говорится в одном из изречений Лао-цзы, – то нравственная польза народа увеличится во сто раз» (19; Лао-цзы подразумевает в двух вышеприведенных изречениях под «великим Дао» и «святостью и мудростью» так называемое «Учение блаженнейших царей»).

Учение и умствование, по мнению нашего философа, – напрасная трата сил и времени; поэтому он советует, чтобы все бросили учение и умствование и прямо творили дела по Дао. Это, по мнению Лао-цзы, и есть истинная проповедь о Дао: «Учение без слов (дела) и бездеятельность (деятельность без умствования) полезнее всего существующего между небом и землею» (43).

Индивидуальная этика

Наш философ, как и другие китайские мыслители, придавал большое значение социальной (государственной и политической) этике, но тем не менее он очень хорошо понимал и важность индивидуальной нравственности. Личность, по Лао-цзы, это – основание общества, поэтому и индивидуальная этика есть основание социальной. Занимающийся решением вопросов из области социальной этики не может не касаться индивидуальной. И вот почему Лао-цзы прежде всего и более всего устанавливает начала индивидуальной нравственности.

1. Лао-цзы думает, что страсти – источник всякого зла в индивидуальной нравственности; «нет греха тяжелее страстей», говорит он (46); поэтому он относится к ним очень строго. Прежде всего, страсти, по мнению Лао-цзы, затемняют очи разума. «Свободный от страстей, – говорит он, – видит величественное проявление Дао, а находящийся под влиянием какой-нибудь страсти видит только незначительное проявление (его)» (1): находящийся под влиянием страсти не может достигнуть даже самой очевидной истины. Точно так же и в нравственном отношении: находящийся под влиянием страсти не может творить истинно нравственных дел. Поэтому он учит избегать всякой крайности, которая и есть страсть. «Мудрец, – пишет Лао-цзы, – избегает всякой крайности» (29). Итак, мы должны уничтожить страсти, чтобы достигнуть нравственного совершенства, и когда в мире не будет страстей, то будет повсеместное спокойствие и на всей земле будет правда (37).

Но наша нравственная природа слишком испорчена и слаба для того, чтобы сразу достигнуть высокой степени нравственной жизни, побеждая всякого рода страсти. Поэтому мы

должны побеждать их постепенно и достигать нравственного совершенства начиная с низкой ступени и потом идти выше и выше. Это учение он разъясняет следующими сравнениями. «Девятиэтажная башня, – пишет он, – создается из клочков земли; чтобы пройти тысячу верст, нужно начать с одного шага» (64); «не трудно, – говорит он в том же афоризме, – держать легкое».

Эта идея Лао-цзы в наше время нашла провозвестника в лице Л.Н. Толстого, который также советует начинать дело нравственного усовершенствования с низшей ступени^[47]. «Есть лестница добродетели, – пишет Л.Н. Толстой, – и надо начинать с первой ступени». Эту первую ступенью нравственной жизни как Лао-цзы, так и Л.Н. Толстой считают воздержание.

«Воздержание, – учит Лао-цзы, – первая ступень нравственности» (добродетели) (59). «Помимо воздержания, – пишет Толстой, – немыслима никакая добрая жизнь».

2. Лао-цзы считает высоким нравственным достоинством человека простоту сердца. Простота сердца потому есть высшая добродетель, что очень близко стоит к Дао, к естественности. Без простоты сердца, по учению Лао-цзы, никто не может достигнуть нравственного совершенства. Человек высокой нравственности, учит наш философ, «возвратится к совершенной простоте» (28). Эта простота сердца, впрочем, не есть грубое невежество, а, напротив, блаженная и невинная простота. «Кто вполне духовен (то есть нравствен), – учит Лао-цзы, – тот бывает смирен, как младенец» (10). «Достигший высокой нравственности, – говорит он в другом афоризме, – похож на младенца» (55). Такой человек не только похож на младенца, но «возвратится в состояние младенца» (28).

3. Лао-цзы провозглашает великое нравственное значение смирения, которое находится в органической связи с простотою сердца, составляя ее естественное последствие.

Сущность этого учения очень ясно выражена в одном из афоризмов Лао-цзы: «Мир смирен, все люди ездят и бегают над его твердыней» (43). Другими словами, мир охотно стоит ниже всех существ, но никогда не жалуется на это. Такому смирению мира мы должны подражать, потому что «кто желает быть великим, тот должен быть ниже всех» (61).

Ту же мысль он повторяет метафорически: «Причина того, что реки и моря суть цари многочисленных долин, заключается в том, что первые находятся ниже последних» (66). Лао-цзы указывает на Дао как на пример смирения. Дао, по учению его, совершает великие дела, но оно не выставляет себя (51). «Не хвалиться тем, что сделано, – говорит он, – не начальствовать над другими, превосходя их, – небесная добродетель» (10, 2). Как пример или образец смирения Лао-цзы выставляет воду. «Вода, – пишет он, – давая всем существам обильную пользу, не сопротивляется ничему» (8).

Наихудшим пороком Лао-цзы считает гордость, противоположную по своему существу смирению.

Свое отвращение к этому пороку Лао-цзы выражает следующей метафорой: «Я не желаю быть гордым, как драгоценный камень» (39). Чтобы преодолеть этот порок, прежде всего, нужно не выставлять себя, признавая достоинства других. «Кто делает вид, будто много знает, – пишет Лао-цзы, – и ко всему способен, тот ничего не знает» (10, 24). «Зная много, – пишет он в другом афоризме, – жить, будто ничего не знаешь, – верх совершенства» (71). Как средство предотвращения гордости, Лао-цзы предлагает знать свое место.

4. Рассуждение Лао-цзы о почести и славе находится в тесной связи с учением его о простоте сердца и смирении. Знатность, известность и величие этого мира, по мнению Лао-цзы, не суть истинные почести и слава, ибо они противоречат смирению Дао. Почести и слава этого мира слишком непостоянны и неопределенны; в них нет ничего существенного, поэтому они противоестественны, а следовательно, греховны. Этот взгляд и служил исходною точкой мнения Лао-цзы, что незнатность и неизвестность есть истинная почести и слава человека.

С другой стороны, позор и оскорбление в этом мире не есть действительный позор и оскорбление. Поэтому Лао-цзы относится к ним как к чему-то крайне призрачному: «Почет и позор одинаково странны для мудреца» (13).

5. Лао-цзы не только проповедник простоты и смирения, но и провозвестник самоотверженного человеколюбия. Основанием этого учения служит Дао, которое не заботится о самом себе, а только о других. «Дао сотворило все существа, а добродетель кормит их; они дают им вещественную форму, а могущество совершенствует вещи» (51).

Эта любовь Дао ко всем существам (34) должна быть образцом нашего человеколюбия, которое Лао-цзы называет человеколюбием Дао.

Истинное человеколюбие должно быть самоотверженной любовью. «Святой заботится о себе после других» (7). Такое человеколюбие должно быть, по своему существу, всеобъемлющим и не должно знать границ. Эта идея выражена в следующем сравнении.

«Небесное Дао, – пишет он, – не имеет родственников (которым оно могло бы оказывать преимущество перед другими): оно всегда склоняется к добрым людям» (79). Значит, Дао чуждо несправедливости: оно ко всем относится одинаково.

Самое высокое человеколюбие – это любовь к врагам. Истинно любящий не должен исключать из своей любви даже ненавидящих его самого. «За ненависть, – учит Лао-цзы, – платите добром» (63) – учение, очень напоминающее христианскую заповедь о любви к врагам.

Конечно, лаоцзыевская формула учения и любви к врагам менее жизненна и содержательна, чем заповедь Христа, но тем не менее нельзя не подивиться тому, что эта великая гуманная истина в VI в. до н. э. была проповедана китайцам через их национального философа.

Социальная этика

Лао-цзы думал, что общество с его вождем – царем – может в значительной мере способствовать осуществлению учения об индивидуальной морали. Поэтому Лао-цзы серьезно занимается решением вопроса об общественном строе.

По мнению Лао-цзы, общественный строй требуется естественным порядком мира, и без управления никакое общество существовать не может.

Признание законности государственного строя привело Лао-цзы к признанию монархизма. Монархия, по мнению Лао-цзы, более других форм правления способна привести людей к единству, которое и есть мировой закон (27). Другими словами: как единое Дао приводит в порядок все существа, так и на земле единое управление должно приводить всех людей в единство. Царь, по мнению Лао-цзы, стоит на недостижимой для нас высоте. «Четыре величия в мире, – пишет он, – Дао, небо, земля и царь» (25).

Это мнение Лао-цзы основано на том, что царь, стоя во главе народа и будучи повелителем его, мог бы нравственно повлиять на своих подданных; слова и дела его могли бы быть примером и образцом для всех (26). Поэтому он предлагает царю быть особенно внимательным к себе и преподает целую систему о морали царя.

Прежде всего, Лао-цзы выставляет Дао как идеал царя. Он советует царю во всех отношениях подражать Дао.

Он учит, чтобы царь соблюдал бездеятельность. Это видно из следующего изречения его: «Дао ничего не делает, поэтому оно делает все» (37). Нужно заметить, что ничего не делать или быть бездеятельным, по Лао-цзы, не значит находиться без движения, а напротив – действовать, но без праздного умствования. «Управляющий страной посредством умствования, – учит Лао-

цзы, – погубит ее. Когда страна управляется без умствования, то в ней будет благоденствие» (65). Очевидно, что Лао-цзы смотрел на учение и умствование как на социальное зло. Умствования, по мнению Лао-цзы, омрачают очи разума и приводят людей в заблуждение, могущее нравственно погубить их.

Отрицательное отношение Лао-цзы ко всякого рода умствованию привело его к крайности – к полному отрицанию всякой образованности. Он думал, что образованность и просвещение нарушают счастье человека. Поэтому он советует царям держать народ в разумном невежестве (3) и естественной простоте, в которой и заключается блаженство людей.

Будучи проповедником простоты и естественности, Лао-цзы не мог сочувственно относиться к сложным законам и мелочным постановлениям: он считает их началом социального зла. «Когда в государстве много законов и постановлений, – учит он, – то число воров (то есть вообще преступников) увеличивается».

Продолжая дальше развивать свою идею о простоте и естественности, Лао-цзы доходит до отрицания богатства. Драгоценные вещи обольщают сердце человека и приводят его к желанию завладеть ими; это, в свою очередь, ведет человека к преступлению. Эта мысль очень ясно выражена в следующих афоризмах: «Чтобы люди не сделались ворами, нужно не придавать никакого значения трудно добываемым (то есть ценным) вещам» (3); «Когда будут оставлены выгоды, то воров не будет» (57).

В социальной этике более всего занимает нашего философа вопрос о войне. Этому много способствовали исторические обстоятельства, современные ему. Война, по его взгляду, незаконна, и убивать людей – непростительное преступление; война есть жестокое нарушение естественного течения природы, созданной Дао, и противна существу Дао, то есть абсолютному добру. И вот Лао-цзы пишет: «Если бы (война) была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящий убивать людей» (31). Следовательно, она противоестественна и преступна. Война – это величайшая несправедливость и беда. Вот почему наш философ учит: «Когда война окончится победой, то следует объявить всеобщий траур».

При таком взгляде на войну Лао-цзы не мог одобрить и орудия войны – войска. Свое полное отвращение к нему он выражает следующими словами: «Войско есть орудие нечестивых, поэтому не может быть орудием мудрых» (31).

Хотя Лао-цзы принципиально отрицает войну, но тем не менее сила современных ему исторических условий заставила его рассмотреть вопрос: какая война менее незаконна. Он считает менее незаконной войну оборонительную, а наиболее незаконной – войну наступательную. Об этом очень хорошо высказано им в следующем изречении: «Когда цари и князья заботятся об обороне, то сама природа делается помощницей их» (67).

Вот беглое обозрение нравственного учения Лао-цзы. Мнение Лао-цзы, что нравственная природа человека повреждена, но еще не лишена возможности достигнуть относительного нравственного совершенства, сразу, без сомнения, поставило его на правильную точку зрения о сущности морали. Отправляясь от этой точки зрения, он выработал себе ряд верных взглядов на сущность нравственности. Таковы, например, его учения об идеале и критериях нравственности и оценки нравственных действий человека.

Сравнивая древнейшие учения о нравственности, мы ясно увидим, что лаоцзыевская моральная система выделяется из них всех. Не будет преувеличением, если я скажу, что до появления христианства не было такого возвышенного и стройного нравственного учения, как система Лао-цзы. Правда, Шакья-Муни также проповедовал возвышенное нравственное учение; но в нем много противоречий и преувеличений, которых в системе Лао-цзы почти нет. Хотя еврейская мораль стояла, пожалуй, выше буддийской, но в ней проповедовалось учение «око за око и зуб за зуб», чего наш философ не допускал: он проповедовал самоотверженное

человеколюбие и любовь к врагам (63).

Этика Лао-цзы представляет собою не какие-нибудь случайные уроки о нравственности, а строго логический вывод из его метафизической системы, которая также не лишена некоторого интереса. К ней мы теперь и перейдем.

Из древнейших китайских философов один только Лао-цзы хотел открыть начало мира чисто умозрительным путем. Он не мог довольствоваться конкретным объяснением мира. Ему думалось, что существует высший мир, который открывается только нашему разуму. Видимое бытие, думал Лао-цзы, ограничено и конечно, следовательно, и не вечно; если оно не вечно, то должно иметь начало; если оно имеет начало, то подлежит разрушению, но разрушение мыслимо только тогда, когда существует неразрушимое; конечное мыслимо только тогда, когда существует бесконечное (59, 25).

Об этом неразрушимом и бесконечном говорит наш философ следующим образом: «Верх не ясен, низ не темен. О, бесконечное! Нельзя назвать его именем» (14). «Оно не уловимо (21), – пишет он в другом афоризме. – Оно не имеет имени, но люди его называют Дао» (25, 32, 24).

Что такое, спрашивается, Дао? «Дао, – учит Лао-цзы, – которое должно быть действительным, не есть обыкновенное Дао» (1). «Дао пусто» (4), то есть оно – «чистейший дух» (6), в котором отсутствует всякая материальность. Оно – «бесконечная глубина» (4), поэтому «неуловимо, как блеск света» (21).

Признавая Дао бесконечным и чистейшим духом, Лао-цзы приходит к логически необходимому выводу, что оно существо высочайшее (17) и абсолютное. Это свое торжественное исповедание он излагает следующими словами: «Невозможно даже вообразить, что существует что-нибудь выше его (Дао)».

Если Дао – существо абсолютное, то оно должно быть единым и кроме него не может быть другого. Эту мысль Лао-цзы доказывает тем, что по существу своему Дао – чистейший дух, который имеет внутреннее единство и неделим (6, 10).

О непостижимости Дао Лао-цзы образно выражается следующим образом: встречаясь с ним (Дао), не видеть лица его; следуя за ним, не видеть его спины (14).

Хотя Дао невидимо для наших очей и непостижимо для нашего ума, но великие дела его видны и осязательны для нас. «О, беспредельно великое Дао! – восклицает наш философ, – ты и справа, и слева» (34). «Оно как будто не действует, но действует лучше всех» (73).

Правда, видимая природа (то есть великие дела Дао) провозглашает о существовании Дао, но это не существенно, ибо наш омраченный многими заблуждениями разум мог бы не заметить этого. Гораздо существеннее и сильнее проповедь о Дао нашей души, чем видимой природы. Отсюда Лао-цзы твердо признает врожденность в человеке идеи о Дао. Он думает, что эта врожденная душе идея так ясно говорит каждому из нас о величии Дао, что будет излишне вновь проповедовать о нем (51). Никогда не проповедовалось, учит наш философ, что надо почитать и уважать Дао, но это совершалось и совершается само собой (25).

Определив, таким образом, существо Дао, насколько разуму дано его знать, Лао-цзы идет дальше: он определяет атрибуты Дао.

Абсолютное Дао не может быть существом зависимым от других: оно, уже как таковое, должно существовать от самого себя. Если б оно было не самобытным существом, то оно не было бы абсолютным бытием. Учение Лао-цзы: «Дао самобытно» (34) есть строго логический вывод из признания абсолютности его.

Абсолютное и самобытное Дао, по мнению нашего философа, не может быть существом ограниченным и конечным. Это привело его к признанию бесконечности и беспредельности Дао.

«О, беспредельно великое Дао. Оно идет, совершая бесконечный круг, и не знает предела» (25).

Лао-цзы допускает третий атрибут Дао – всемогущество (73). Хотя Дао, по Лао-цзы, кажется существом слабым и нежным, так как оно бестелесный дух, но слабость и нежность его сильнее могущественнейших сил мира сего (25).

Признав Дао существом беспредельным, то есть стоящим выше условия пространственности, Лао-цзы не мог думать, что Дао подлежит условию времени. И действительно, он в одном из афоризмов ясно учит, что Дао – вечное бытие и поэтому не знает ни изменения, ни переворота. Великое и бесконечное Дао, пишет он, следует признать вечным (32). Дао «слабо и нежно», а «слабое и нежное живет» (76). «Дао самобытно, поэтому не знает переворота» (25).

Таким образом, метафизическая система, развитая Лао-цзы, представляет собою последовательное и цельное учение о едином верховном существе, подобное тому, до которого возвысилась греческая философия в эпоху своего расцвета. Но преимущество Лао-цзы в том, что он один, силою личного ума, развил учение, до которого греческая философия дошла лишь совокупными усилиями и в историческом росте.

Космология Лао-цзы

Нашему философу казалось непримиримым противоречием признавать вечность и бесконечность материи (или вещи, по его терминологии). Беспредельное движение, видоизменение и перевороты в вещественном мире для него были неоспоримым доказательством того, что вещество условно и подлежит законам пространства и времени, следовательно, не вечно и конечно. Отсюда естественный вывод, что вещество, как не вечное и конечно, несомненно, имеет свое начало, которое предполагает Творца. И действительно, Лао-цзы признает Творцом всего существующего абсолютное и всемогущее Дао. Вся тварь, думает он, появилась на свете благодаря ему (51).

О происхождении вещества наш философ учит следующим образом: «Дао сотворил одно, одно – два, два – три, а три – весь вещественный мир» (42; один – это нечетное число, а два – четное. Соединение четного с нечетным обнимает все многообразие чисел). Это значит, что Дао создало единое, то есть несложное, которое не есть еще видимое, осязаемое вещество и есть небытие. Так как небытие – отрицание бытия – включает в себе элемент отрицаемого, то из него же произошел и весь видимый мир^[48].

О верности нашего понимания вышеприведенного изречения Лао-цзы свидетельствует следующая мысль его: «Все вещи произошли из бытия и бытие – из небытия» (40, 2).

Первоначальное вещество, или материя, находилось в хаотическом состоянии (25; «Вещество, – пишет Лао-цзы, – произошло из хаоса»). Эта хаотическая масса, по мнению Лао-цзы, заключала в себе две противоположных силы: инь и ян (42). Посредством этих двух сил вся хаотическая масса была приведена в движение, во время которого легкое поднялось вверх, а тяжелое погрузилось вниз (26). Благодаря этому движению хаотическая масса материи пришла в порядок. Достигшая порядка материя и есть вселенная со всей ее сложностью и разнообразием (39).

Такой сложный процесс происхождения действительности не мог совершиться сам собой. Творцом всего этого Лао-цзы признает Дао.

Лаоцзыевская гипотеза о происхождении действительности напоминает собой теорию

Анаксагора относительно того же предмета. Как Лао-цзы, так и Анаксагор признают, что видимый мир произошел из хаотической массы материи, находившейся во вращательном движении. Но в вопросе, кем или чем эта хаотическая масса была приведена в движение, они несколько расходятся. Наш философ думает, что хаотическая материя приводилась в движение двумя друг другу противоположными силами ян и инь, которые имманентны материи; Анаксагор же утверждает, что ум привел хаотическую массу материи в движение.

Это разногласие двух мыслителей, впрочем, весьма не важно и несущественно. Если мы примем во внимание учение Лао-цзы, что Творец всего – Дао, то сделается ясным, что китайский мыслитель несколько подробнее раскрыл свою космологическую гипотезу, нежели эллинский философ. Дао Лао-цзы и Анаксагоров ум по смыслу и значению почти тождественны и однородны.

Создав мир и произведя всякую тварь, Дао не оставляет их без надлежащей помощи: оно промышляет о них.

Промыслительная деятельность Дао изображается нашим философом следующими словами: «Дао производит вещи, добродетель (его) кормит их; они (то есть Дао и добродетель) дают им вещественную форму, а могущество (их) совершенствует вещи» (51).

Временное существование вселенной, то есть всей твари, Лао-цзы признает очень ясно. «Ни небо, ни земля, – пишет он, – вечно существовать не могут», потому что «процветающая вещь легко стареет» (23, 55). И если мир может существовать относительно долго, то только благодаря Дао, сотворившему его, и притом не для него самого. Эта мысль весьма ясно высказана Лао-цзы в одном из его афоризмов. «Небо и земля, – говорит он, – вечны... ибо они существуют не для самих себя» (7).

Во многих афоризмах наш философ восхваляет великие дела Дао. Глубина и могущество творческих сил Дао, по его учению, непостижимы и недоступны для нашего ограниченного ума. «Могу ли я знать, – пишет Лао-цзы, – почему вселенная такая, а не иная» (54, 21).

Вот в общих чертах лаоцзыевская космология. При ближайшем знакомстве с сочинением Лао-цзы не трудно будет убедиться, что эта космология есть естественный вывод из учения о Дао как существе самобытном, абсолютном и всемогущем и таким образом входит органическим членом во всю систему его философии.

notes

Предлагаемый вниманию читателей перевод с китайского известного трактата Лао-цзы о нравственности сделан по поручению редакции «Вопросов философии и психологии» японским ученым Д.П. Конисси, которому принадлежит и помещенная в конце книги статья о философии Лао-цзы. В основу перевода положен текст ценного китайского издания, хранящегося в Румянцевском музее в Москве, под № 40 Китайского отдела. Переводчик пользовался также при своем труде несколькими добытыми им японскими изданиями трактата Лао-цзы, а также текстом, изданным Станисласом Жюльеном (Paris, 1842). (Примеч. С.Н. Дурьлина.)

Букв.: самка.

То есть царю неба.

Соломенная собака – это кукла собаки, сделанная из соломы. Она, по словам толкователя Лао-цзы Хако Гёку-сен, употреблялась при жертвоприношении. Когда заканчивается обряд приношения, то китайцы бросают ее и топчут ногами. Здесь это выражение употреблено в смысле «ничтожество».

Открыть небесные ворота – значит достигнуть Дао, или нравственного совершенства. Отсюда смысл этого афоризма таков: желающий достигнуть нравственного совершенства должен быть смиренным, как самка смирна перед самцом.

Букв.: внутреннее.

Букв.: у Лао-цзы: достойной удивления.

Букв.: наполненным.

Тут Лао-цзы иронически называет великим Дао и мудростью те учения, которые известны под названием «Учения блаженнейших царей».

Шесть степеней родовых линий.

Лао-цзы так называет, конечно, «Учения блаженнейших царей».

То есть у матери всех вещей (Дао).

Букв.: незнании.

В тексте Станисласа Жюльена: греют или охлаждают.

Букв.: силы.

Букв.: вещь.

Букв.: заставить творить.

13 – это символическое число. Оно, по словам толкователя Лао-цзы Хаку Гёку-сен, взято из области астрономии. Луна после своего появления через 13 дней достигает своей полноты; после полнолуния через 13 дней она совсем исчезает. Приводя это число дней, Лао-цзы, очевидно, хотел указать на то, что всякое существо развивается до известной границы. И когда оно достигнет полноты развития, то начинает ослабевать и наконец совсем уничтожается.

То есть принять меры к его предотвращению.

Букв.: воров.

Букв.: дно.

Букв.: самка.

Букв.: на четверном экипаже.

Васильев В.П. Религии Востока: Конфуцианство, Буддизм и Даосизм. СПб., 1873. С. 77.

Царствовал в 519–468 гг. до н. э.

750–241 гг. до н. э.

В Японии это имя произносят Симасень, но я пишу так, как профессор Васильев.

«Историческое повествование» Сыма Цяня имеется в библиотеке Румянцевского музея под № 139. Кит. отд. Изд. 1739 г.

Stanislas Julien. Lao-Tzeu Tao-te-king. Paris, 1842. P. XIX.

Сыма Цянь. Историческое повествование. Кн. 63.

Там же. Примечание: в «Географических очерках» пишется, что это село (Кёку-Зин) было уничтожено во время борьбы феодалов («период воинствующих феодалов») и ныне не существует.

Носить псевдоним – обычай китайских ученых.

Сыма Цянь. Историческое повествование. Кн. 63.

См.: Дао дэ цзин. Гл. 66 и др.

Там же. Гл. 19 и 29.

Там же. Гл. 2 и 3.

Это значит, что когда мудрец служит умному царю, то идеи его получают осуществление, поэтому он будет торжествовать и пользоваться почетом. Но когда он служит недальновидному царю, то будет оставлен без внимания, преследуем и угнетаем, как носящий на голове тяжесть поденщик.

Сыма Цянь. Историческое повествование. Кн. 63.

Там же.

См.: *Васильев В.П.* Религии Востока. С. 72.

Сыма Цянь. Историческое повествование. Кн. 6.

Сыма Цянь. Историческое повествование. Кн. 6.

Васильев В.П. Религии Востока. С. 72.

Лао-цзы всегда ставил вопросы ребром, а Конфуций – косвенно и непрямо. Это объясняется тем, что первый был человеком простодушным, прямым и искренним, а последний, по-видимому, гордым, утонченным и требовательным. Читая сочинения Конфуция, нельзя не заметить его негодования против современного ему общества, которое не приняло сразу его учения.

Это ясно видно из священных книг китайцев «Сикинга», «Икинга» и др.

Мф., 5: 48.

Первая ступень // Вопросы философии и психологии. Кн. 13. С. 129.

На существование такого диалектического перехода от небытия к видимому миру нет, впрочем, указаний в трактате Лао-цзы. (*Примеч. ред.*)